

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 65-й

#1595

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПАМЯТНИК
ЖЕРТВАМ...
И БОРЦАМ?

№ 8
2010

Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и про-
светительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH Frankfurt am
Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

*Г.М. Амнуэль, Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедионов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.*

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051,
Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
http://www.posev.ru

Адрес типографии ИП Наумова: г.
Люберцы, ул. Инициативная, д. 5.
Телефон 8(965) 174-54-53.

Тираж 800 экз. Свободная цена.
Подписано в печать 15.07.2010

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Феде-
рации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Изда-
тельское, исследовательское и просвети-
тельское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 8 (1595) август 2010 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора2

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров.

Идеология и этатизм. 3

Константин Русаков.

Считаю, что в Барнауле нужен
памятник жертвам и борцам
с большевизмским режимом. 6

Мария Машина.

Я всегда любила этот день..... 8

Андрей Окулов.

Фабрики мысли:
производство будущего 9

Григорий Амнуэль.

4 июля, Катынский синдром, 1 канал ... 12

Владимир Сиротенко.

Горечь нашего сахара. 14

Евгений Ихлов.

Власовская альтернатива. 18

65 ЛЕТ ДНЯ ПОБЕДЫ

Кирилл Александров.

Острые вопросы по истории
Второй мировой войны 22

А.Л. Кузьминых. Военнопленные

Второй мировой войны в СССР: 28

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт.

Уцелевшие 36

Игорь Чубайс.

Сможешь выйти на площадь..... 41

КНИГИ И ЛЮДИ

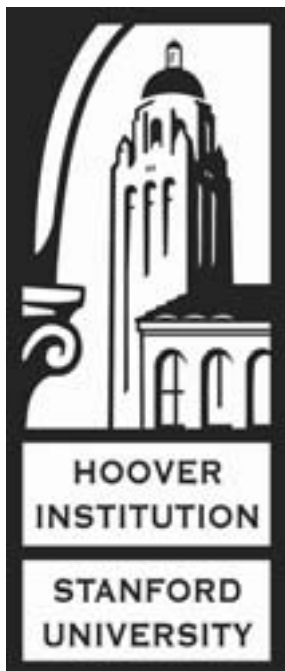
Сергей Базанов. Страницы истории

русской военной эмиграции
после Второй мировой войны 44

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Константин Обозный. Молодёжь России —

прошлое и настоящее 45

7 июля 2010 года в Москве в здании Государственной Думы состоялось заседание Государственно-патриотического клуба «Единой России» по теме «Возвращение исторических названий». Речь за «круглым столом» шла в частности о переименовании Свердловской области в Екатеринбургскую, и о возвращении исторических названий вокзалам. В работе «круглого стола» принимал участие автор проекта серии книг «Белые воины», выходящих в издательстве «Посев», Александр Алекаев.

Координатор клуба Ирина Яровая сказала: «Тема, которую мы сегодня заявили для обсуждения, логично укладывается в концепцию партийной консервативной идеологии и в сферу деятельности нашего клуба. Несомненно, названия связаны с культурой, традициями, историей страны. Несомненно также то, что есть действующее законодательство, в соответствии с которым наименование городов, улиц, площадей и т.д. должно отражать волеизъявления граждан, их позицию, ментальность и т.д.

Это чрезвычайно деликатный вопрос. Поэтому, проводя сегодняшнюю дискуссию, мы тем самым хотим дать понять, что речь не идёт о навязывании определённой точки зрения. Речь идёт о том, что внутри гражданского общества должно “созреть” своё отношение к названию улиц, посёлков, городов».

Накануне этого заседания, 6 июля председатель комитета Госдумы по культуре Григорий Ивлиев отметил: «Вопрос о возвращении имён – это... не разовая акция, это вопрос повседневной жизни, культуры, вопрос, к которому мы должны обращаться постоянно. В топонимике кроются очень большие культурные смыслы, чем бережнее мы стараемся сохранить прошлое, тем понятнее нам дорога в будущее. Основой при принятии решения о наименовании улиц, городов, посёлков должна стать культура как память человечества.

Сейчас понятно, что имена политических деятелей, которые оцениваются обществом неоднозначно, – это не те имена, которые подлежат увековечиванию в современной жизни. Не может имя человека, связанного с убийством, быть увековеченным в названиях российских улиц и городов. Такие наименования из нашей жизни должны уйти».

Комментируя итоги заседания, заместитель председателя комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергей Марков сказал: «Очевидно, что название улиц несет смысловую нагрузку, и молодое поколение учится по этим названиям. И здесь существует проблема, когда те или иные названия связаны с убийцами, кровопийцами... Название объекта должно символизировать позитивные ценности для нашего народа».

16 июля Стронники «Единой России» подписали соглашение о сотрудничестве с Фондом поддержки исторических традиций «Возвращение». В ходе церемонии первый заместитель секретаря Президиума Генерального совета партии «Единая Россия» Госдумы Андрей Исаев сказал: «До сих пор в названиях наших городов, улиц мелькают имена, которые более чем спорны. Мы боремся с терроризмом, а у нас есть улица Халтурина, Софьи Перовской. Эти люди отличились, главным образом, одним – убийством, убийством по неким мотивам, которые они считали благородными, но, тем не менее, мы считаем, что это было политическое убийство. Зачастую они уничтожали невинных людей ради какого-то ощущения истины, за которую они боролись».

В названиях наших улиц присутствуют те, кто отправлял на смерть сотни тысяч и даже миллионы людей. Я поддерживаю инициативу Фонда поддержки исторических традиций “Возвращение” в его правильном и нужном деле – в возвращении улицам и городам их исконных названий. Это заслуживает всяческой поддержки.

Нас иногда критикуют: зачем вы боретесь с прошлым, с ветряными мельницами? Дело в том, что названия этих улиц, городов действуют на сознание людей. Не все в достаточной степени разбираются в истории, и потому у людей в отношении некоторых персонажей складывается позитивный образ. Засоренность нашего сознания будет продолжаться до тех пор, пока мы не поставим точку».

Примерно о том же сказано в «Чёрной книге имён, которым не место на карте России», изданной «Посевом» в 2008 году.

Валерий Сендеров

Идеология и этатизм

Два десятилетия назад, в августе месяце, ушёл в небытие советский коммунизм. Падение его было мгновенным: казавшийся вчера если уж и не незабываемым, то всё ещё прочным, серый бастион рухнул в считанные часы. Было отчего ликовать. Но ликование мало способствует взвешенным оценкам. Они кажутся даже ненужными: разве дело в деталях? Главное-то всё равно ясно...

«Красные разбежались; их идеологию даже некому оказалось защищать». Таково одно из повторявшихся клише тех лет. И это правда. Наполовину. Идеологию, разумеется, никто уже действительно не защищал. А вот разбежались не все. Некоторые остались на месте. Пустив себе пулю в лоб.

Газеты сообщали тогда о нескольких самоубийствах в верхах. Это немало. Спустить курок — поступок всегда неординарный; да и выродились верхи эти самые к тому времени уже вконец. Но вот — нашлись всё-таки.

Обращал на себя внимание и состав самоубийц. «Партторгов» среди них не было — да и быть не могло. Были руководители и крупные чины силовых ведомств. Такие люди редко верят в какую-либо идеологию. Если они и преданы чему-то, то — государству. Силе. Структуре.

Нет, они не защищали советскую государственность. Такой возможности у них уже просто не было. Но они оставили весомое свидетельство: за неё можно ещё пожертвовать жизнью. А значит — идея её ещё не мертва.

Минули десятилетия. И большевистская идеология — даже уже и не посмешище. Посмешищем она была в брежневские годы. Но, обточенная десятилетиями однообразной демагогии, она имела ещё тогда формальную законченность и цельность. Сегодня же мировоззрение КПРФ — непостижимая смесь социал-демократии с национал-социализмом. Что ж, обе компоненты находят своих потребителей. Но каким «светлым будущим человечества» можно увязать их воедино?

Государственность же советская сегодня в другой позиции. «Великая держава, построенная отцами и дедками и выигравшая Отечественную войну», навязывается России как нерушимый базис «национальной идеи». Навязывается с успехом. С таким, над которым не мешало бы призадуматься; прежде всего — самой власти. Желательней всё-таки, судя по высказываниям первых лиц страны, откеститься от некоторых неотторжимых деяний «славного прошлого».

Внесём ясность. Исторически СССР — наша вчерашняя страница. Гордиться этим или стыдиться этого одинаково бессмысленно. Это очевидный факт, и разговоры о каких-либо «переписываниях истории» — просто отвлекающий манёвр. Следует ли, далее, считать себя и юридическим преемником

Советского Союза? Это уже вопрос, и на него существуют разные ответы. Германия в сходной ситуации ответила на него положительно. Но формально-юридическое и моральное там при этом чётко разделено. И молодые немцы присягают на верность фатерлянду у могилы государственного преступника Клауса фон Штауфенберга.

Так решили в Германии наиболее важный вопрос: о преемстве моральном. Как решается он в России? Сказать, что советские преступления отрицаются огромной частью общества, — значит ничего ещё не сказать. Яростное отрицание базируется всё-таки на осознании преступности совершённого. «Клевета! Не могли наши сделать такое!» И такое возмущение — уже голос совести. Пусть невежественный или же лицемерный... Но чаще приходится сталкиваться совсем с другим. С реакцией невозмутимой.

Фильм «Катынь» довелось мне посмотреть в компании показательной: на просмотре в одном из ведущих гуманитарных вузов страны. После просмотра было обсуждение. Доминирующая реакция: ну и что?

Ну, убили... Подумаешь, было бы что обсуждать... Начиналась война, а они были нашими потенциальными противниками. Есть из-за чего комплексовать всю жизнь...

Милые девушки, щebetавшие это одна за другой, комплексовать явно не собирались. Ни всю жизнь. Ни пару минут. И если бы их отцы и деды убили не офицеров, а их грудных детей — юные создания не комплексовали бы тоже.

Патриотизм, любовь к родине предков... Кто посмеет сказать, что это дурно? Наглядевшись в Интернете на единомышленников наших кинозрительниц, возразим робко: а всегда ли так уж и хорошо?

Тема советского этатизма не из самых простых и весёлых. Но, видимо, пришло уже время внимательно её рассмотреть.

Что такое этатизм? Иногда этим словом называют любую государственническую тенденцию. Но в действительности это неточно. Этатист — тот, кто не просто считает сильную государственность правильной и полезной. А кто решительно ставит её во главу угла. Принимая или отвергая всё прочее как полезное или вредное для неё. Скажем, когда Лев Тихомиров пишет книгу «Монархическая государственность», он не этатист: ведь иная государственность его, по смыслу заглавия, не устроит. «Нужно выбирать: или откровенный космополитизм (будь то социалистический, будь то анархический, будь то религиозный), или державная политика. Третьего не дано». Вот кредо, вот классическое самоопределение этатиста. Важна — Держава! Монархическая, советская, президентская — лишь

презренного космополита такие мелочи могут интересовать...

Как в теории, так и в практике этатизма лишь одна ценность соизмерима с абстракцией — государственностью. Это — она же. Но на сей раз — в воплощённом, конкретизированном виде. Главы. Фюрера. Вождя.

Каковы примеры этатистских сообществ? Отвергнем некоторые напрашивающиеся: скажем, величие Третьего Рейха было для его сторонников не в том, что он сильное государство. А в том, что правильное — следовательно, этатизм здесь не при чём. Пример муссолиниевской Италии к этатистскому уже ближе. Без особых оговорок можно назвать этатистскими Испанию Франко, Португалию Салазара. Но всё это — неубедительные примеры. Ситуационные. Государство в них как бы заключает договор с подданными: оно будет «превыше всего» на поколение-другое. Пока удержит страну на краю пропасти, восстановит её. На чём всё «превыше» и завершится: страна вернётся к своему общеевропейскому бытию. Трудно ведь представить себе в Испании «Северную Корею».

А есть ли у нас более убедительные примеры этатизма? Поразмыслив немного, мы понимаем, что в классической — католической — Европе их ... быть не может. Классическое Средневековье — структурированный, ценностно упорядоченный мир. С Папой во главе. Тот или иной государь мог добиваться практической самостоятельности от Ватикана. Но он не мог провозглашать «Государство превыше всего», покушаться на основы окружающего миропорядка.

По близкой причине этатизм и в Византии был невозможен. Рядом с пурпуровым тронном василевса стоял пустующий золотой трон, на него в любой момент мог воссесть Сам Христос. Представьте-ка при таком умонастроении торжествующую «державность».

Как обстояло дело в России? Возьмём как представительный пример то, о чём нередко трубят на всех углах: послания старца Филофея. Посвящены они вовсе не Третьему Риму. Он действительно фигурирует в них — как распространённый в это время в восточнохристианском мире церковно-публицистический образ. Но фигурирует в связи с вопросами более важными. Главные темы посланий Филофея: борьба за нравственность духовенства да извечная тяжба с государством за доходы монастырских сёл. Сторожи добродетель, Государь! Да не обижай монастыри! А не то отыметя от тебя твой Третий Рим, пресветлое твоё царство...

Несоответствие содержания доступных любому читателю посланий легенде о них — вопрос забавный. Но нас в данном случае интересует не он. Нас интересует схема отношений. Отношений подданного и государства. Подданный знает, каким государству надлежит быть. И довольно властно, какова бы ни была форма его обращения, пытается повлиять на государство. И это — «общехристианскоареальная» (общеевропейская, говоря сегодняшним язы-

ком) форма их отношений. В России это проявилось особенно отчётливо в имперский, европейский её период. Кто только — западники, славянофилы — ни обращался к государству именно так. «Хороша ли Ваша политика?» — восклицали, обращаясь к Николаю Павловичу, Тютчев, Погодин. И добивались изменения этой самой политики (далеко не всегда к пользе и к добру).

Это не этатистские отношения подданного и государства. Это идеологические, «космополитические» отношения. Подданный увлекает за собой государство наддержавной идеей.

Мы потерпели неудачу, ища серьёзные примеры этатизма в христианском мире. Что ж, обратимся тогда к миру языческому. К Риму, стало быть, прежде всего.

*Одушевлённую медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводят,
Тяжбы лучше ведут, и также неба движенья
Тростью лучше чертят и исход светил возвещают.
Римлянин, помни: властно народами править —
Вот искусства твои, мир водворять и порядок,
Покорённых щадить и побеждать непокорных.*

Да, это этатизм, в чистом виде. Для Вергилия, величайшего из римлян, искусство «мир водворять и порядок», безусловно, важнее всех подчинённых искусств. Чего-то, однако, в этой апологетике государственности недостаёт. Поклонения. Искусство править для Вергилия всё-таки не божественно: выше других, но всё же в одном с ними ряду. Даже можно прочесть и так: римлянин правит, дабы покорённые спокойно ковали медь да выводили из мрамора лики. «Господин всем есть первый слуга» — это не ситуация совершенного, этатистского господства.

Но и последнюю ситуацию мы тоже найдём — для этого придётся обратиться к глубинам Востока. Например, взойти на корабль великого Ксеркса. Во время бури корабль оказался перегруженным. И персидские вельможи, прежде чем навсегда прыгнуть в ревущую волну, подходили и почтительно склонялись перед спасаемым ими царём.

Восточная история полна таких сцен. Но лишь из посторонних, часто греческих источников мы узнаём о них. Перс не описал бы этого эпизода: он естественен, обыденен для него.

Дальше и дальше на Восток! Теперь — в империю величайшего Цинь Ши-хуанди. Божественный не только построил Великую китайскую стену, он также издал множество мудрых указов. Наимудрейший из них воспретил, под страхом строгих, истинно китайских казней, как-либо обсуждать императорские указы. И те, кто по привычке восхитился гениальностью Божественного, мерам общественного порицания первыми и подверглись.

Указ Ши-хуанди был и вправду мудр. Он железно, несокрушимо логичен. Восхищаться спущенным на твою презренную голову с Небес — значит допускать возможность и иного отношения к Дару. Как ты смеешь, мятежник, божественные предначертания хвалить?

Кажется, до это в истории не было случая, когда этатизм идеологию полностью побеждал. Циньскому гению удалось это.

Попробуем сделать из приведенного материала некоторые выводы. Они не претендуют на абсолютность: теорем в этой области нет. Но всё же, нам кажется, они заслуживают внимания.

Считается обычно, что этатизм лучше господства идеологии. Франкизм или гитлеризм — разве не ясно, что сносно, а что чудовищно в этой паре? Ясно. Но сам пример — тенденциозный, не «средний». Одно дело когда каудильо — цивилизованный генерал-католик. Он может запретить тебе политическую деятельность. Но ему не придёт в голову лезть в твою религиозную, семейную или деловую жизнь. А если лидер — Юрий Владимирович или, в лучшем случае, Леонид Ильич? Или великий вождь мировой революции, для блага которой он в государственных и переквалифицировался?

Но к советской — важнейшей для нас — ситуации мы вскорости перейдём. Пока же заметим, в интересах наших дальнейших рассуждений: идеолог в значительной мере занимается тем же, чем и политик в демократической стране. Именно, он обращается к уже наличествующим инстинктам и эмоциям электората, убеждая его в своей правоте. Взглянем на самые чудовищные идеологии прошлого века. В своих странах, до начала великих походов, они побеждали по вполне «демократической» причине. Они совпадали с народными чаяниями — только и всего. Да, чудовищность наступившего вызвала сопротивление элитных слоёв народа. Но и в Германии, и в России оно было крайне незначительным (пока не началось, в российском случае, уничтожение и этих слоёв).

Вот мы и перешли к главному предмету наших рассуждений. К России.

Можно ли при рассмотрении нашей военной и послевоенной истории досадливо отодвигать в сторону идеологический фактор? Наши отцы и деды любили, строили, защищали великое Отечество. А марксизм, ленинизм, мировая революция... Кто же, всерьёз говоря, часто задумывается о подобных вещах?

Такая схема претендует стать основой идеологии: унаследуем от предков любовь к своей стране... И схема эта небезосновательна. В повседневной жизни советских подданных никаких признаков идеологии действительно не было. Лишь отчаянные храбрецы смели призадуматься о ней. «Будь истинным марксистом, о Великий Вождь! Не то развеется по ветру пресветлое твоё, ленинское царство...» Данные о костях новых филофеев тщетно ищут историки в тюремных архивах. Находились, правда, поначалу курбские, они взывали к Государству с Запада. Из недостижимого, как им наивно казалось, далека...

Мог ли советский человек свободно хвалить великого Вождя? Конечно, нет! — ответим чуть подумав. Надо было прежде узнать, что именно сегодня приказано хвалить. Восхитишься, не дай бог, его гуманной

борьбой с кулаками-мироедом. А он, глядишь, «Головокружение от успехов» изволил уже написать... Циньские рекорды были совдепией успешно побиты.

Но подкладкой этих рекордов было мировоззрение отнюдь не китайское.

Советский человек твёрдо знал: он живёт при самом справедливом в мире строе. Людей, живущих при ином строе, он должен был бы ненавидеть или презирать. Но он понимал: они угнетены и при первой возможности этот строй сбросят. С его, разумеется, советской, помощью. И заживут так, как живёт сегодня он сам.

Ничего не поделаешь. Европейцы мы: чтоб бросаться на смерть, обоснование нам нужно. Не можем мы почитать Вождя лишь за то, что он — Дар Небес. Не вдохновит это нас на мировой поход с миллионными жертвами.

А поход этот готовился всегда. Им жили; им дышали.

*И вот опять к границам сизым
Составы тайные ползут,
И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году.
Но мы ещё дойдем до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!*

Первые четыре строки этого часто цитируемого шедевра — апофеоз мировой революции. Вторые — самого хищного, самого этатистского государственничества. Что — не сочетается?

Так жили отцы и деды. Так они верили. Так мечтали. Идеологическим этатизмом назовём мы их жизнь. История нередко подсовывает нам не укладывающиеся в схему феномены.

Что же в итоге остаётся от «национальной идеи»? Возьмём советское прошлое. «Вычтем» кровавый идеологический бред. Останется, что и у нормальных людей: любовь к Отечеству. И добавим к ней новые стремления: к открытости, к демократии, к свободной жизни.

Хорошо бы. Но не получится. Потому что выбирая базис — нельзя, неразумно пренебрегать определяющими чертами его. Теми, что порождали веру в советскую исключительность, в презренность свободы тогда. И порождают эти же чувства сегодня. Наши президент и премьер не понимают, похоже, своей одиозности: не их выступления, а нашизм — гармоничный лик неосоветского менталитета.

Что ж — построить нацистское государство возможно. Психологические предпосылки налицо. И не надо паниковать: сталинистским оно сегодня не будет. Но ему никуда не деться от общей с СССР черты: свою ненависть к свободе ему непременно придётся отлить в идеологические глобальные формы. Уже не в коммунистические, разумеется. В евразийские, третьеримские, неовизантийские... Претендентов хватает, имя им легион. А следующим действием снова не может не стать столкновение с миром. С западным. Духовно и исторически родственным России.

Кто победит? У жителей СССР это сомнений не вызывало. Есть ли они у кого-нибудь сегодня?

Синтетическая двойственность идеологии и этатизма заслуживает пристального и серьезного рассмотрения. В этой статье ограничимся констатацией актуального: сегодняшние попытки «деидеологизации» СССР обречены. Не получится это — взять из недавнего прошлого лишь «ратный и мирный

труд людей на благо страны». Советский менталитет деидеологизации не допускает. Равно как не допускает он и смены идеологии по существу. Инкарнации коммунизма подчас неожиданны. Но не нужно, как обычно, всуе кивать на Империю. Речь идет лишь о навешивании новых «третьеримских» погрешностей на изношенный советский колпак.

В 1991 году городскими властями Барнаула было принято решение о создании памятника жертвам политических репрессий. 1 июля 1996 года в исторической части Барнаула, на площади Свободы, — там, где стоял взорванный в 1930-е годы Петропавловский собор, во время городского митинга по решению администрации города был установлен закладной и памятный камень.

Именно на этом месте власти Барнаула и общественность решили установить памятник, именно к этому месту ежегодно в День памяти жертв репрессий 30 октября приходят люди, приносят венки и цветы. Совсем рядом, на улице Ползунова, находится здание, где располагалось местное НКВД и производились массовые расстрелы. В те годы работа по установлению памятника не была доведена до конца (по официальной версии, из-за дефицита средств). Но усилиями архивных работников, преподавателей и студентов алтайских вузов были подготовлены и опубликованы 9 томов серии «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» с перечнем сфабрикованных дел. В 1919–1965 годах были репрессированы 45 722 человека, из которых осуждены 42 464 человека. Сверх этого, по национальному признаку (немцы, поляки, калмыки, ингуши, дашнаки, эстонцы, молдаване и другие), а также по другим основаниям были репрессированы ещё 107 344 человека, проживавших на территории края. С 11 сентября по 30 сентября 1941 года в край прибыло 34 эшелона с 80 454 советскими немцами, размещёнными здесь на спецпоселение. Самым массовым слоем местных жителей, по которому прошёл государственный террор, стали обычные простые труженики. Таким образом, только на Алтае репрессии прошли по более чем 150 тысячам человек. Но и эти цифры не полны — в них не учитываются многие репрессированные до 1937 года, года создания самостоятельного Алтайского края — до этого значительное количество приговоров выносилось в Новосибирске. В эти цифры не входят алтайские крестьяне, высланные на Север в ходе коллективизации. Да и сами алтайские дела рассмотрены ещё не все. Число репрессированных жителей Алтая сравнимо с числом алтайских фронтовиков, погибших в годы Второй мировой войны (200 тысяч человек).

Сегодня работа по созданию мемориального комплекса возобновлена, но...

Константин Русаков

Считаю, что в Барнауле нужен памятник жертвам и борцам с большевицким режимом

Так называемая «Общественная палата Барнаула» сформулировала предложение к обывателям самим определиться с выбором названия мемориального комплекса на площади Свободы:

- «Жертвам политических репрессий»;
- «Всем безвинно погибшим в XX веке жителям страны».

Как и в приснопамятные большевицкие времена, жителей загнали в прокрустово ложе! Или — или: третьего не дано. Предложенные названия в полной мере не отражают сути трагизма произо-

шедшего с Матушкой-Расеей. Весь период 1917–1991 гг. в СССР пронизан физическими и моральными репрессиями, иссушавшими саму Душу народа, пленённого большевиками в своём Отечестве. Миллионы и миллионы прошли через унижения, тюрьмы, лагеря, но так и не приняли душой «советчину». Так и не образовался «монолитный блок коммунистов и беспартийных».

Десятки лет большевицкие борзописцы насаждают народу мысль: дедушка Ленин — хороший, а вот товарищ Сталин — не очень. Партфункционеры вынужденно признали, что в 30-е годы в СССР проводились массовые репрессии, господствовал до 1953 года так называемый «культ личности». Но ведь это полуправда!

На самом деле, начиная с октября 1917 года по август 1991 года большевики целенаправленно проводили политику геноцида собственного народа в угоду философской нищете марксизма-ленинизма. Ленин, Сталин и их последователи — диктаторы, террористы.

В 1992 году был принят Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», установлен День 30 октября «Памяти жертв политических репрессий». Но этот процесс не был завершён. В названии осознанно не указали — кто же проводил эти репрессии? Получилось, что большевицкая террористическая организация, в общем-то, и ни при чём.

И выходит, что Троцкий, Каменев, Зиновьев, Киров и другие — тоже «жертвы политических репрессий» — хотя у самих руки по локоть в крови. Осталось только записать в «жертвы» Ежова, Берию и их с ними. И о них мы должны помнить и скорбеть? До сих пор стоят тысячи памятников вождю мирового терроризма, предателю России и диктатору. В Барнауле их три. Клички большевицких палачей «украшают» названия улиц и площадей. Нынешняя власть до сих пор не решается сделать решающий шаг — окончательно идеологически порвать с большевицкой диктатурой и её наследием, как это сделали в Германии с нацизмом.

Необходимо, наконец, сказать людям правду о том, что большевизм и нацизм — близнецы-бра-

тья. Суть их идеологий — человеконенавистничество. Большевизм — по классовому признаку, а нацизм — по национальному и расовому.

Нужно обратить внимание на бедственное положение репрессированных и членов их семей. Поставить памятник борцам с большевицким геноцидом. Это необходимо сделать во имя будущих поколений граждан России. Иначе подобное может повториться.

Считаю, что исторически справедливое название мемориального комплекса на площади Свободы: «Жертвам и борцам с большевицким режимом».

*Константин Владимирович Русаков —
доцент, кандидат исторических наук,
член НТС и партии «Правое дело».*

От редакции

В декабре 2009 г. в Барнауле на Бульгинском кладбище были перезахоронены останки, найденные на Павловском тракте. Согласно информации сотрудника НПЦ «Наследие» Натальи Кунгурцевой, это наши соотечественники, военные возраста 20–30 лет, убитые в мае 1923 г. Известно только одно имя — Николай Осипович Кузьменко, офицер 3-го Барнаульского стрелкового полка, награждённый орденом святой Анны второй степени с мечами. Кузьменко — участник Сибирского ледяного похода адмирала А. В. Колчака.

На Бульгинском кладбище в Барнауле

Мария Машина

Я всегда любила этот день...

Впервые День Победы вызвал такое сильнейшее отторжение и такую глубокую степень разочарования, что хочется вздохнуть свободно от того, что это всё закончилось. Я, слава Богу, давно уже не смотрю никакие праздничные концерты ни на одном из каналов, чтобы не расстраиваться и не видеть полунагих девочек, поющих «Огонёк» или что-нибудь столь же щемящее. Благо у меня и телевизора нет. И нет желания смотреть парады, показ военной техники или разгоняемые над Москвой облака, чтобы, не дай Бог, погода не оказалась сильнее желания руководства страны видеть эти «потёмкинские деревни». Тошно, просто тошно.

Я всегда любила этот день, любила этот праздник — самый настоящий, самый искренний, с этими слезами на глазах у каждого. У меня дед прошёл всю войну и закончил её в Вене, бабушка до октября 1941 года в летнем платье, будучи 18-летней девчонкой, рыла окопы под Москвой. Для меня это всегда была личная боль. И этот день я всегда ждала с трепетом, что вот зазвучат эти песни, покажут «Балладу о солдате», и можно будет тихонько положить цветы на мемориал и вспомнить близких и погибших.. Последние несколько лет в этот день мы всей семьёй уезжали из города на кладбище — прибирать могилы родственников, да и чтобы заодно не видеть пьяной молодёжи, имеющей слабое представление о том, что это за праздник. Кладбище мне всегда казалось самым подходящим местом, где можно провести этот день. Подлинная тишина, памятник войнам, погибшим в госпиталях, могилы фронтовиков с узнаваемой издалека красной звёздочкой. По-моему, взять на себя труд и убрать хоть одну заброшенную могилку — это лучше, чем произносить громкие речи у мемориала. Ну да кто у нас об этом думает.

В этом году привела дедушку к стеле на площади Победы. По традиции день холодный, ветреный, стоять тяжело даже мне, а ему в 87? Стулья уже все заняты пришедшими раньше нас, спрашиваю у милиционера, откуда можно взять стул — пожимает плечами: не готов ответить на ваш вопрос. Не знаешь, что лучше: стоять в тени — холодно, выйти на солнце — деду напечёт голову, мало ли что, всё-таки почти год не был на улице, а вдруг плохо станет. Дежурит бригада «скорой», из толпы поступает сигнал — бегут, на носилках уносят какого-то ветерана. Отворачиваюсь, нет сил спокойно на всё это смотреть. Вскоре появляется губернатор края со своими замами — сытые, холёные, гладкие лица, дорожные костюмы, непроницаемые взгляды. В 11:30 зазвучал Шуман и началось торжественное возложение цветов, первыми идут, конечно, официальные лица. А как они смотрят на ветеранов! Господи — такие снисходительные взгляды, как на ка-

ких-нибудь маленьких цыганят, путающихся под ногами. Дед устал, на парад на площади мы уже не пошли, пошли в парикмахерскую — помолодел, посвежел. На обратном пути видели митингующих с красными флагами и портретами Сталина. Подписи: «При Сталине порядок, успех, победа!» Господи, думаю, Ты ведь смотришь сверху, о каком успехе они говорят?!

Да нешто так искренне заблуждаются?! Глядь дальше — детям раздаются флажки: на одной стороне написано «9 мая», на другой — «ЛДПР». В бело-синей форме идут школьники, неужто, думаю, уже вступили в «Единую Россию»? Нет, ещё только начинают свой путь. Думала, вскрикну, увидев название организации — «Медвежата». До конца дня из дома не выходила. На салют уже не хожу несколько лет — просто опасно для жизни. В школе коллеги-учительницы, у кого мужья милиционеры, говорили, что у тех сократили до 30% зарплаты в последние месяцы — на салют, говорят, копим, средств не хватает. Охота им после этого такой салют смотреть?.. Заглядываю в свою платёжную ведомость, даже изумилась — неужели у учителей ничего не отрезали?!

Как легко любить всех ветеранов вместе взятых один раз в году, и как трудно любить вот этих двоих, вроде бы мне родных, но лишённых слуха, разума, желаний и стремлений. Как больно, а порой и физически неприятно доказывать свою любовь. А всего-то им надо, чтобы их искупали, потёрли им спину... Кругом всё так помпезно, несут подарки от местных депутатов и власти. Понимаю, что продвигать себя надо, но почему-то от этой коробочки чая в пакетиках становится тоскливо. Мама, придя на той неделе с работы, обнаружила в двери записку, напечатанную ну не иначе как на четвертинке осьмушки, да ещё и почти туалетной бумаги: уважаемый жилец квартиры 84! Да что же они, имени-отчества дедова не знают, 40 лет ведь в этом доме живёт! Ну а дальше, как водится, поздравляем вас, де-мол, были, вы двери не открыли, позвоните нам и сообщите, когда вам будет удобно принять подарок. Мама перезванивать не стала, от вида бумажки этой, говорит, плохо стало. Настойчивые, позвонили 9 числа утром, спросили, почему сами не перезвонили. Мама и объяснила, почему. Ох, простите наших сотрудников, сказала дама, а подарок сейчас принесём. Прошло три дня, ждать все уже перестали, но принесли. Ни много ни мало — кухонный комбайн (отечественного, разумеется, производства). Спасибо, конечно, только что с ним делать будут 87-летние старики?.. Вот кабы кофточку из натуральной шерсти, те же деньги, а куда как нужнее, мёрзнут ведь даже летом. Ну да Бог с ними, дарёному коню, как говорится...

Спасибо драматургу, режиссёру и актёру Гришковцу. Его вдумчивая и честная запись в Интернете и вдохновила меня высказаться, и ещё ряд комментариев (<http://e-grishkovets.livejournal.com/2010/05/10/>).

Да и прочла опубликованную в вашем 4 номере статью, письмо из Латвии, вот и решила тоже написать вам, ведь, увы, мало тех, кто, кроме вас, готов публиковать не только власти любезные письма...

Алтайский край

Андрей Окулов

Фабрики мысли: производство будущего ДЕЛАТЬ ИДЕИ СТАНОВИТСЯ ВЫГОДНЕЕ, ЧЕМ ПРОИЗВОДИТЬ ТОВАРЫ

Военные доктрины государств, решения насущных проблем городов, научные открытия на заданную тему. То, что раньше зависело от озарения отдельных учёных и государственных деятелей, сегодня превращается в отдельную отрасль промышленности. Кто же сегодня является «серыми кардиналами» экономики и политики на Западе?

В 1832 году правительство США было обеспокоено серьёзной проблемой: на американских паровых заводах постоянно происходили взрывы паровых котлов. Тогда министр финансов обратился во Франклиновский институт в Филадельфии с государственным заказом — исследовать эту проблему и найти её оптимальное решение. Заказ себя оправдал, и правительство США стало всё чаще обращаться к специалистам с заданиями на конкретные разработки.

Именно этот год принято считать годом рождения Фабрик мысли, или, как их называют в Америке, — Think Tanks.

Стоит отметить, что Королевский объединённый институт оборонных исследований был основан победителем Наполеона герцогом Веллингтоном на год раньше — в 1831. Другими старейшими фабриками мысли считаются: Фонд Рассела Сэйджа (США), основанный в 1907, Фабианское общество (Великобритания), основанное в 1884, и Гамбургский институт экономических исследований (Германия), основанный в 1908.

Подлинный расцвет фабрики мысли пережили после Второй мировой войны, особенно — в семидесятых годах XX века. На сегодняшний день Всемирный справочник фабрик мысли японского института НИРА — National Institute for Research Advancement — насчитывает их уже более 320 наименований, действующих в 77 странах.

Самые первые — американские — Брукингс Инститьюшн (основана в 1916), Фонд Карнеги (основан в 1914), Фонд Наследие (Heritage Foundation) и Институт Гувера при Стэнфордском университете (Hoover Institution, основан в 1919).

Что же такое фабрика мысли? Чем она отличается от научно-исследовательского института, разведки или просто исследовательского центра? Почему целые государства вкладывают миллиарды долларов в предприятия, на которых десятки людей не производят ничего, кроме идей?

Существуют разные типы, во многом это обусловлено странами, в которых они работают, и политиче-

скими системами, которые существуют в этих странах. В Европе они чаще представляют собой небольшие центры, существующие на частные пожертвования. В Германии — больше похожи на университеты, финансируемые федеральным и земельными правительствами. Фабрики мысли также различаются по их статусу, целям, источникам финансирования, количеству сотрудников, типу исследований, результатам и методам. Изначально многие страны пытались подражать американским первопроходцам, но со временем большинству удалось найти свой собственный стиль и методы работы.

Есть мнение, что для конечного чёткого определения того, что называется «фабрикой мысли», потребуется не один год. Ведь сами эти учреждения видоизменяются с ходом времени. Одно несомненно: сегодня это — быстрорастущий сектор экономики, экономики XXI века. Экономика, где главный товар не вещи, а идеи. Ведь временной промежуток между идеей и её воплощением в жизнь сокращается с каждым днём. Сегодня информация о товаре может стоить дороже самого товара.

Национальный научный фонд США считал, что научно-исследовательские разработки, которыми занимаются фабрики мысли, являются совокупностью трёх видов деятельности:

1) фундаментальные исследования — изучение неизвестного.

2) прикладные исследования — исследования, направленные на удовлетворение какой-либо существующей потребности, например, создание лекарства от какой-либо болезни, или на поиск новых путей увеличения скорости самолёта.

3) разработки — систематическое использование фундаментальных и прикладных исследований для создания и производства конкретных объектов (от сыворонок до космических кораблей), систем, методов и материалов.

Фабрики мысли имеют междисциплинарный характер: для разработки какого-либо проекта они привлекают экспертов из самых различных обла-

стей. Темы самих проектов, которыми занимаются эти учреждения, также разнятся – от проблемы глобального потепления до проблемы борьбы с бедностью в отдельно взятом городе.

В 1998 году отметила свой 50-летний юбилей одна из самых известных фабрик мысли – корпорация РЭНД. Название происходит от двух английских слов: Research and Development (исследование и развитие). Корпорация началась с контракта, заключённого между американскими ВВС и фирмой «Дуглас».

14 мая 1948 года проект РЭНД отделился от компании «Дуглас» и стал независимой некоммерческой организацией. Её деятельность была определена как «служение научным, образовательным и благотворительным целям, необходимым для общественного процветания и безопасности Соединённых Штатов».

Штаб-квартира организации расположилась в городе Санта-Моника в Калифорнии. В 1948 году штат сотрудников РЭНД составлял 200 человек: математики, инженеры, специалисты по аэродинамике, физики, химики, экономисты и психологи.

РЭНД была главной движущей силой в создании межконтинентальных баллистических ракет и десятков иных новшеств в военной сфере. Корпорация по праву считается одним из главных экспертов по внешней политике США и создателем «доктрины сдерживания».

В 1951 году руководство ВВС попросило РЭНД провести исследование – выбрать места для расположения новых авиабаз за рубежом. Полтора года сотрудники корпорации (специалисты в области применения экономико-математических методов) выполняли порученную работу. Они пришли к выводу, что создание новых баз не только ничего не даст в области обороны, но сделает американские самолёты более уязвимыми для возможной внезапной атаки, повлечёт огромные дополнительные расходы и создаст для США новые проблемы в области международных отношений. Исследовательская группа выработала альтернативный проект: создание новых баз на территории США и небольших комплексов для дозаправки в других странах. Группа исходила не из стратегии первого ядерного удара, которой до этого придерживались США, а из того, что страна способна выдержать первый удар и уничтожить противника вторым. С тех пор концепция второго удара стала главным догматом американской «политики сдерживания».

РЭНД разрабатывала методологическую системную базу для решения таких социальных проблем, как запустение городов и несовершенная система здравоохранения, занималась решением проблемы бездомных, создавая систему обеспечения жильём малоимущих.

Тысячи книг и отчётов, созданных за более чем пятьдесят лет работы корпорации, оказали значительное воздействие на образ жизни Америки и оказывают его до сих пор.

Многие фабрики мысли действуют по принципу: вы даёте нам проблему и финансируете нашу деятельность. Мы ищем её решение во всех областях науки и техники.

Но, кроме этого, фабрики мысли находят проблемы сами. Те, которые возникнут в ближайшем или отдалённом будущем. Заказчики фабрик мысли, будь это правительство, общественные организации, политические партии или промышленные корпорации, не удовлетворяются повествовательным характером исследования той или иной проблемы. Фабрика мысли должна консультировать заказчика, предлагать решение той или иной проблемы, показывать предполагаемое будущее.

Другая задача, которую часто поручают подобным корпорациям, – экспертиза. Известны примеры, когда с помощью Фабрик мысли крупным фирмам и государственным учреждениям удавалось пресечь попытки мошенничества в особо крупных масштабах.

Основой успешной работы любой подобной корпорации является «критическая масса интеллекта» всех её сотрудников. Но интеллект не измеряется лишь дипломами, тестами и научными званиями. Кто же определяет значимость и ценность проведённых разработок?

Жестокие законы рынка. Ведь на новых идеях сегодня пытаются заработать многие. В случае, если город, штат, страна или просто крупная фирма захотят нанять людей, способных решить ту или иную проблему, десятки Фабрик мыслей придут к заказчику с красивыми проспектами. В них очень привлекательно будут перечислены бывшие заслуги каждой корпорации. Длинный список крупнейших специалистов в самых различных областях. И цены, по которым Фабрика возьмётся выполнить тот или иной заказ.

Этим фабрикам могут поручить найти решение следующих задач: оценить положение с разработкой полезных ископаемых в какой-либо провинции, какой-либо стране. Найти возможность поправить экологическое положение в отдельно взятом городе. Сделать привлекательным для туристов бывший рабочий посёлок на берегу моря. И так далее – до бесконечности.

Корпорация не может себе позволить «заказных» выводов, приятных для клиента. Ведь время и реальность опровергнет их в самом ближайшем будущем, что отрицательно повлияет на репутацию фирмы и отпугнёт будущих клиентов.

В делах политических Фабрики занимают свои экологические ниши. Если один раз Фабрика мысли взялась проводить предвыборный политический анализ для кандидата от правой партии, левые к ней уже не обратятся. И наоборот.

Некоторые Фабрики мысли изначально определяют направление, в котором проводят свою работу. Вот что говорит о своих целях и задачах знаменитая Фабрика мысли Фонд Наследие (Heritage Foundation):

Фонд Наследие — уникальная организация исследования общественной политики, или Фабрика мысли. Мы находим решения для проблем современности, исходя из идей, принципов и традиций, которые создают величие Америки.

Мы не боимся начинать фразы со слов «мы верим», поскольку мы действительно верим: в индивидуальные свободы, свободное предпринимательство, ограниченную власть правительства, сильную национальную оборону и традиционные американские ценности».

Во время «рейгановской» рыночной революции 80-х годов XX века Фонд Наследие сыграл основную роль в практической её реализации. Сегодня он разрабатывает предвыборную стратегию для Республиканской партии США.

С другой стороны, Гудзоновский институт (Hudson Institute), основанный в 1961 году в Индианополисе, изначально не придерживался в своих исследованиях определённой идеологии. Его исследования посвящены будущему, точнее — решению проблем, которые ещё не возникли. Прежде всего — проблем, которые могут быть решены с помощью публичной политики.

Девяностые годы двадцатого столетия были отмечены новой тенденцией в развитии Фабрик мысли — их локализацией. Каждый крупный город стремился обзавестись собственной Фабрикой мысли, занимающейся исследованием сугубо местных проблем, например — Институт Манхэттена и Институт Аллгени в Питтсбурге являются лидерами в области изучения проблематики городов.

Независимо от коммерческого и некоммерческого характера Фабрик мысли, они сегодня являются важным инструментом развития современного государства. Поэтому, в интересах любой развитой страны — способствовать созданию и функционированию мастерских мысли. Те из них, что не оправдают своего назначения, не смогут выдержать конкуренции и разорятся.

Напрашивается вопрос — зачем каждой стране развивать свои собственные Фабрики мысли? Ведь многие из опытных корпораций осуществляют международные исследования. Может быть, молодым государствам дешевле обойдётся заказ на исследование, переданный одной из старых и опытных Фабрик мысли за рубежом? Вдобавок — гарантированная объективность: большое видится на расстоянии.

Посткоммунистический период показал, что даже самые опытные исследователи в странах Запада зачастую не могут до конца вникнуть во всю сложность взаимоотношений в обществе, сложившемся за десятилетия тоталитарного строя. Известен пример, когда голландские фермеры, год проработавшие в России, вернулись на родину со словами: «Это вы нас можете научить, как можно работать в таких условиях». Период перехода от тоталитаризма к демократии и от плановой эко-

номики — к рыночной не имеет полных аналогов в мировой истории.

Несмотря на всю свою академическую объективность, каждая Фабрика мысли действует, прежде всего, в интересах своей страны, которые могут противоречить интересам потенциального заказчика. Не говоря уже о том, что таким фабрикам постоянно приходится иметь дело с информацией, имеющей стратегический характер, а то и засекреченной.

В свете развития Фабрик мысли в России видятся несколько опасностей, которые могут свести подобные начинания на нет.

Чрезмерная секретность. В стране, где десятилетиями «секретили» всё, вплоть до количества производимых пар валенок, это изживается с трудом. Ведь секретность может быть направлена не только против потенциального противника, но и против тех, кто может усомниться в эффективности работы учреждения, расходующего государственные средства. Известен случай, когда в семидесятых годах резидентура КГБ в Америке регулярно отправляла в Москву отчёты, которые являлись переводом статей из Нью-Йорк Таймс.

Кумовство. У всех на виду олигархи, бывшие таксисты, в одночасье ставшие миллиардерами не благодаря своим предпринимательским способностям, а из-за близости к власти. Кто может гарантировать, что Фабрика мысли создаётся не для обустройства России и продвижения прогресса, а для прокормления огромного штата людей, которые за счёт государства и частного капитала будут годами детально объяснять, что Волга впадает в Каспийское море?

Главной задачей государства здесь могло бы стать обеспечение равных правил игры в конкурентной борьбе. Заказ может быть параллельно представлен двум конкурирующим корпорациям, а третьей может быть поручена проверка ответственности работы первых двух. Тогда возможность для очковтирательства будет значительно сужена.

Высокий средний образовательный уровень населения России по сравнению с другими странами сегодня уже мало кто оспаривает. Налицо и большое количество учёных, вынужденных уезжать из страны из-за низких заработков. О творческом духе русских и оригинальных идеях, приходящих из нашей страны, знают во всем мире. Выражение «русские мозги» становится всё более понятным. И одновременно с этим приходится постоянно повторять знаменитую фразу, сказанную ещё в XIX веке: «Велико в России незнание России».

Россия богата не только полезными ископаемыми. Она (пока ещё) богата умными людьми. И Фабрики мысли могли бы стать одной из важнейших отраслей российской промышленности. Если государство и бизнес осознают это.

Григорий Амнуэль

4 июля, Катынский синдром, 1 канал

Данная статья была написана 4 июля, когда второй тур президентских выборов в Республике Польша был в разгаре.

4 июля в этом году оказалось очень насыщенным днём. Национальный праздник День Независимости в США и приуроченная к нему операция против расширенной сети российских то ли шпионивших, а скорее всего, отмывающих крупные финансовые средства (разумеется, не только свои) на американском рынке агентов. Скандал громкий, и, видимо, не на один месяц, и дело не в том, что это сразу после визита Д. А. Медведева, а в том, что это показательный процесс нового витка взаимоотношений между Россией и США. Хотя, если быть абсолютно точным, к России как к стране и тем более к российскому народу всё это имеет практически нулевое отношение. Большинству российских соотечественников ни отмывать, ни размещать нечего, да и перелететь через океан они если и мечтают, то только во сне, так как иной возможности не имеют. Дорого. Что касается «элиты», то для кого-то в ней, видимо, потеря окажется довольно ощутимой, ну ничего, уверен, бюджет страны поможет залатать эту брешь. Действительно, учитывая успешно продолжающийся процесс беспрецедентной капитализации российских «элит», все возможные потери от скандала ну совсем незначительны. Одно жалко, именно в это время один из главных специалистов по США на российском ТВ Михаил Леонтьев увещевал всех, кто не сосредоточился на футболе, что крах доллара и экономики США не за горами. Но, видимо, оракул не совсем прав, или, наоборот, настолько прав, что наши властные и богатые бросились сломя голову спасать Америку. А поскольку они от нас независимы, то и с праздником их, с Днём Независимости.

Но в этом году праздник не главное, главное, пожалуй, опять же в связи с отдыхом на чемпионате мира по футболу, выборы в Польше. Второй тур — Комаровский против Качинского.

После апрельской трагедии наши российские СМИ всячески пытались убедить зрителей, что победа Комаровского предрешена, почти предрешена, логична и должна состояться. Дескать, Ярослав Качинский и мал, и лишь тень своего погибшего брата, и за ним никого нет, якобы вся польская элита во главе с самим товарищем В. Путина премьером Дональдом Туском за Комаровского. Для россиянина очевидно, при таком раскладе у противника шансов нет. Но первый тур неожиданно показывает разрыв не в предрекаемые 10%, а всего то в 5%, и становится ясно — ещё не вечер. (Я пишу

эту статью действительно когда ещё не вечер и нет даже первичных, предварительных результатов.) В общем, вопрос открыт, но когда вы будете это читать, вам уже будет хорошо известен победитель. А я намеренно хочу порассуждать до объявления итогов, и не о том, куда и как пойдёт Польша и польское общество, хотя меня это, разумеется, интересует, а о том, что происходит в России, если в день выборов второго тура на главном канале — 1 канал — в 13.30 выходит фильм «Катынский синдром» (авторы сценария и режиссёры Екатерина Кибальчич, Александр Лякин и Михаил Ёлкин). Причём только по анонсу пятницы в заранее заявленной программе — «В логове сомалийских пиратов» — и в напечатанной, и в интернетовской версии эта же африканская история. Что-то должно было произойти, если вот так срочно, в день выборов, на экран канала, который можно принимать в Польше, врывается фильм, имеющий непосредственное отношение к происходящему. Кстати, для тех, кто скажет, мол, срочно закончили и «с колёс» решили дать в эфир — ответу, как человек кое-что понимающий в этом процессе, фильм сделан хорошо, не спеша, качественно, и пущен на экран точно не с монтажного стола. Тем более, не забывайте, за плечами Михаила Ёлкина фильм «08.08.08» и не только, так что не случай это, а реакция на что-то происходящее на выборах, или, точнее, желание хоть чуть-чуть, но подправить результат в желаемую сторону. Как к этому относиться с точки зрения свободы выборов? Если с нашей российской «постдемократической» — никаких проблем. Если с нормальной, демократической, то всё значительно сложнее. Агитация, даже косвенная, в день выборов запрещена, а уж тем более с расчётом на сопредельное государство. Ну да пусть на это реагируют ОБСЕ, наблюдатели, Европарламентарии, а мы пойдём дальше разбираться со своими проблемами.

Итак, фильм показан! Эффект, почти как от показа «Катыни» Анджея Вайды (да простит меня маэстро за такое сравнение). «Катынский синдром» не о событиях 1940 года, нет, о них только вскользь, фильм о трагедии 10 апреля 2010 года. Подробно, вьедливо рассказывается, показывается последний рейс, отличный комментаторский голос спокойно и вкрадчиво повествует о важных и не очень важных мелочах этого утра. Вот люди идут к злополучному борту ТУ-154, вот кто-то кого-то в последний момент заменяет. Так и просится на экран крылатая фраза из Константина Симонова: «... и никто не знал, что эта случайная остановка у разбитого моста уже разделила их на живых и мёртвых...»

«Живые и мёртвые». Вот нам вкратце сообщают о предыстории Катыни, о том, почему она стала польской Голгофой — «по приказу Сталина...», вот промелькнул известный документ с фамилиями Кагановича, Молотова, Берия, вот преклонил колени у Катынского креста Борис Николаевич Елицин, вот сокрушённо, как об безвозвратно потерянном, сказал об упущенной возможности Лех Валенса. Вот откомментировал Александр Квасневский. А вот 07.04. мило беседуя на фоне Катынских крестов, прошлись два премьера, В. Путин и Д. Туск, а таймер тикает, а самолёт взлетает, а кто-то «случайно» снимает взлёт президентского самолёта с опозданием на полчаса. Фильм и жизнь бегут к развязке. Промелькнула фраза: Лех Качинский летел в Катынь, чтобы поставить точку, чтобы примириться, и слова из несказанной речи польского Президента это иллюстрируют, но многие слова из этой речи опущены, разумеется, не цитировать же всю, и тем более предпоследний абзац: «Все обстоятельства катынского преступления должны быть полностью изучены и расследованы. Важно, чтобы на юридическом уровне была зафиксирована невиновность жертв, чтобы были открыты *все* (выделено мною — Г.А.) документы, касающиеся этого преступления, чтобы катынская ложь навсегда исчезла из общественного пространства». А если это цитировать, то, что делать с заявлением г-на С. Фридинского (Главного военного прокурора РФ), сделанным в конце мая 2010 года — «Катынское дело закрыто за истечением срока давности, других документов для правозащитников и польской стороны не будет». Вот так, а Лех Качинский летел в Катынь не для примирения, а для ещё одного шага правды! Он твёрдо верил: если поляки и честные россияне вместе пройдут это страшную дорогу, тогда и будет примирение. Именно потому он вёз в багаже в том числе и награду для прокурора Александра Третьякова. (Ведь никто не доказал, что прокурор не может быть честным человеком.)

Самая сильная глава фильма — рассказ о Марии Качинской. Думаю, что эти эпизоды делают честь не только погибшей супруге Президента и польскому народу, но и авторам фильма. Порядочность, любовь, честность в отношении к людям преодолевают любые барьеры и всех делают хоть немного человечней.

Есть ещё достаточно подробный, малоизвестный россиянам анализ конфликта между Д. Туском и Л. Качинским, конфликта и человеческого, и мировоззренческого, и политического. Конфликта, во многом объясняющего, почему один прилетел 07.04 для встречи с Путиным, а другой вместе с соратниками, и друзьями, и цветом польской политики летел 10.04 чтобы помолиться над могилами невинных героев. И, кстати, в отличие от визита Д. Туска, 07.04, визит Л. Качинского считался частным и неофициальным, а встречать Президента в аэропорту должен был г-н Г.С. Полтавченко — полномочный представитель Президента РФ (тот самый,

что в письме от 12.12.09 просил Генерального Прокурора разобраться с журналом «Посев» и Польско-российской школой социального менеджмента и гражданских инициатив).

Но вот самолёт покидает воздушное пространство Польши и летит по Беларуси, и авторы фильма тут же дают нам интервью с авиадиспетчером, сопровождавшим рейс 101.

Молодцы, так и должен вести себя независимый журналист-расследователь. Вот нам подробно показывают историю расшифровки «чёрных ящиков». Позиции различных представителей власти Польши — о том, кто должен знать, что Россия расшифровала. Вот наглядно расшифрованные тексты с грифом «секретно», выложенные на суд польского общества во всей их красе. Идут выдержки из них, комментарии свидетелей и лётчиков. Вот свидетель, российский военный лётчик, утверждает с экрана: я видел, как шёл на посадку самолёт! Стоп, он с земли видел, а кругом все утверждают — сплошной туман, нет видимости? Вот российский диспетчер, принявший борт 101 от своего белорусского коллеги, в расшифровке якобы предупреждает о непогоде, но где фамилия диспетчера, где он сам, неужели российского диспетчера тяжелее найти и снять, чем белорусского? Или дело в чём-то ещё? Вот, наконец, не уходящие из первых листов Интернета кадры, снятые на чей-то телефон сразу на месте катастрофы, вот комментарии, вот подробная попытка разобраться с неким нигде ни до, ни после не фигурирующим украинским журналистом, якобы автором съёмки. (Кстати, если вспомнить дело Гонгадзе, то на Украине с делом журналистов и раньше не всё было хорошо.) Вот список официально аккредитованной на неофициальный визит прессы, разумеется, без неизвестной украинской фамилии. А вот и новый, как нам представляют, истинный автор съёмки, автослесарь с автосервиса! Чистый комбинезон, телефон с камерой, связанная речь, ни слова простой русской речи. (Вы бывали, когданибудь в автосервисе?!) Ну да, прогресс в российской глубинке налицо! Но вот странно, все, кто видел кадры в Интернете, возможно и видят и слышат разное, кто что хочет и кто что может, но вот точно, что слышат все, — это отборный русский мат того, кто снимает. Не знаю, как у кого, а у меня сразу возник вопрос: милок, ты чего вдруг так материлсь? Без комментариев, как, впрочем, и без вопроса! Вот и старичок со съёмки нашёлся, шёл тихо мимо на дачку, а тут на тебе... И пошёл дальше, будто, в общем, ничего такого, оно и понятно — аэродром, мало ли чего там падает...

Вот такая странная часть фильма, не столько дающая ответы, сколько рождающая вопросы. Ну да, время летит дальше. И вот уже Комаровский в Москве 8—9 мая, и в Катыни, и слова за кадром: «Он прилетел вместо Леха Качинского...», стоп, мы все помним, Президент Польши категорически отказался лететь на парад Победы... у нас в России, может кто и забыл, но поляки-то помнят. И опять

фильм спешит дальше. Церемония похорон президентской четы, слёзы, свечи, цветы, интервью из фильма «Солидарность 2010» и двое говорящих в кадре — актёры, но нас же уверяли, что вся интеллигенция за Комаровского, а тут с экрана явно в пользу Ярослава Качинского, неувязочка, но в любом случае, это бывает — кино. Ставит свечу Д. А. Медведев, прорвавшийся в Краков сквозь пелену исландского пепла. Жмут руки Президенты, Премьеры, скорбно склоняет голову дочь, брат, внуки. Всё по-человечески, по-людски. И фильм заканчивается словами Ярослава Качинского —

я готов посетить Москву, я небольшой человек, а она такая большая, почему бы мне в ней не побывать. Действительно почему? Хотя Лех её обходил и сторонился...

Вот такое хорошее, профессиональное кино было неожиданно показано 4 июля во время второго тура выборов в Польшу. Кино с вопросами и с ответами, с чувствами и смыслом и в кадрах и за кадром. Жаль, что как при первом показе «Катюши» А. Вайды на канале «Культура», не устроили обсуждение фильма в студии, а то бы совсем получился «Закрытый показ».

Владимир Сиротенко

Горечь нашего сахара

Свеклосахарная промышленность России и Украины находится в глубоком кризисе.

Вот три его причины. Первая — основные сырьевые зоны выращивания сахарной свеклы находятся в одних и тех же местах почти два столетия. Из-за этого, даже при использовании оптимальных севооборотов, выход одного и того же количества сахара с гектара обходится всё дороже. Вторая — перенос сырьевых зон в новые места и строительство там сахарных заводов требуют огромных средств и ставят перед проблемой, что делать со старыми заводами и их инфраструктурой. И, наконец, третья. Распространённая сейчас технология свеклосахарного производства затратна и малоэффективна, а применяемое оборудование слишком энерго-, металлоёмко и требует больших площадей.

Но выход есть.

В соседнем супермаркете сахара уже нет на полках. Он продается на вес по 12 гривен за кг. Подумать только, сахар, которого еще весной некуда было девать по 3.50, теперь с трудом можно купить за 12 гривен! Конечно, если внутренний рынок Украины требует около 2 млн. т сахара, а наши заводы в этом году еле-еле наскребли 1,568 млн. т, то ясно, что своего сахара нам не хватит. Это было ясно еще в конце сезона. Но чиновники из Агропромполитики вальяжно заверяли, что его нам хватит с избытком. Мало того, заместитель министра аграрной политики Иван Демчак поднял шумиху в связи с тем, что Беларусь заваливает Украину своим дешевым сахаром, и потребовал запретить его ввоз. До чего мы дожили — Беларусь, которая имеет всего четыре сахарных завода, начала представлять угрозу для Украины, имеющей их и в настоящее время в 30 раз больше!

Мы всегда были «сахарной республикой» Европы. Больше нас сахара не выпускал никто. И во времена Союза, и во времена Российской империи. В годы моей молодости 192 сахарозавода Украины выдавали «на гора» 7 млн. т сахара, при потребности сахарного рынка Украины 1,8—2 млн. т, России — 5—7 млн., Беларуси — 350—400 тыс. т. Ирония судьбы. Свеклосахарное производство в Европе началось с континентальной блокады Наполеона Бонапарта, которая сделала тростниковый сахар недоступным для населения. Уничтожение свеклосахарной отрасли в Украине

началось с нашей сахарной блокады России в начале 1990-х.

Давайте попробуем разобраться в причинах того, почему прежняя сахарная кормилица Союза очутилась без сахара. Начнем с истории сахароварения. Согласно указу Петра I от 14 марта 1718, купцу Вестову было разрешено построить в Москве сахарозавод. Но построил завод он не в Москве, а в Санкт-Петербурге, и с 1719 начал производить сахар-рафинад. До конца XVIII века в Российской империи было уже 20 сахарных заводов, которые производили тростниковый сахар. Но это был тупик, ведь в Российской империи негде выращивать сахарный тростник. В 1802 заработал первый свеклосахарный завод купца Есипова в селе Алябьево Чернинского уезда Тульской губернии. Неподалеку от него, в селе Михайловском, построил свой свеклосахарный завод внук Екатерины II граф Алексей Бобринский. С этого времени сахароварение стало модным делом среди аристократов.

В 1822 родственник Бобринского, князь И. Потоцкий построил в своем имении в Каневском уезде свеклосахарный завод. Выращивание сахарной свеклы на юге России оказалось настолько успешным, что основатель Нежинской гимназии граф А. Г. Кошелев-Безбородько в 1824 построил в своем имении в селе Макошино свеклосахарный завод. Прибыльность этого завода была такой, что граф Бобринский, которому жена принесла в приданое Смелянщину, решил перевезти свой Михайловский завод из Тульской губернии, где свекла

не успевала созревать, в теплую Смелу. Волами и на конях все заводское оборудование перевезли к Смеле, и в 1838 году обновленный завод заработал в полную силу и работает доныне! В сезон 1911/12 на нём произвели 1 422 504 пудов сахара! (Сравните, в наиболее урожайном 2007 роке Смелянский сахарокомбинат произвёл 2 200 тонн сахара, или 1 375 000 пудов. Меньше, чем в царские времена...)

За аристократами сахарным делом занялись и малороссийские купцы — Терещенки, Ханенки, Яхненки, Бродски, Симиленки, Хрякови. Именно с этого времени Украина становится сахарным сердцем Российской империи. Для обеспечения отрасли специалистами в 1884 в Смеле решением Южного отделения Российского Технического Общества при содействии таких учёных, как А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев и другие, на базе Смелянского двухклассного училища графа Бобринского были открыты технические классы. В 1917 они преобразованы в техническое училище, а в 1929 на их базе был создан институт сахарной промышленности. Согласно постановлению президиума Верховного Совета СССР за № 1240 от 27.04.1930 к этому институту были присоединены кафедры сахарных факультетов Киевского политехнического института, Харьковского, Ленинградского и Каменец-Подольского химико-технологических институтов. Чтобы сохранить профессорский состав, институт был переведён в Киев, а в 1933 получил название Киевский технологический институт пищевой промышленности им. Микояна. В этом институте имел честь учиться и я в 1958—1964. В годы советской власти этот институт был главным в подготовке специалистов и проведении научных разработок для сахарной и спиртной отраслей всего Советского Союза и соцлагеря.

Ещё в семидесятые здесь заявили, что сахарная отрасль входит в кризис. Сахар производится на большинстве наших предприятий уже две сотни лет. Это значит, что сотни лет сахарная свёкла выращивается на одних и тех же площадях. Даже при использовании оптимальных севооборотов в таких условиях стоимость извлечения тонны сахара с гектара возрастает во много раз. Переходить на новые площади — тратить огромные средства на строительство новых заводов, а что делать со старыми, с их многотысячными коллективами, их посёлками?

Тогда и начали разрабатывать программу, которая позволила бы и новые места для сахарной свёклы освоить, и старые заводы сохранить. К сожалению, когда разработка программы дошла до завершения, отпрыгнуло перегаром ГКЧП, далее — Беловежская пуца и либерализация цен.

Началась гиперинфляция. Индекс цен в среднем за 1993 год по отношению к 1991 составил 5 896,8. По нефтепродуктам — 7 505,8, электроэнергии — 33 843, горючему и газу — 23 308, минеральным удобрениям — 17 450, при этом темпы роста цен на про-

дукцию аграрного сектора были на порядок ниже. Началось вымывание средств из села. А здесь ещё из-за отказа Кравчука продавать сахар Россия нашла новых поставщиков, и выработанное украинскими заводами стало никому не нужным. Ведь его цена и себестоимость определяются энергозатратностью производства и урожайностью сахарной свёклы. Энергозатратность у нас в 2—3 раза выше, чем в Европе. Средняя урожайность сахарной свёклы там — 700—800 ц/га, в Беларуси — 400—500 ц/га. В России — 300—350 ц/га, а в Украине — 200—300 ц/га! Вместо поиска новых рынков сбыта и новых путей использования свёклы начали уничтожать «лишние» сахарные заводы.

В 1996-м, когда после ликвидации колхозов и совхозов в Украине исчез крупный производитель сахарной свёклы, УКРНИИСПу поручили разработку программы реформы отрасли. Но о разработке программы реформ из-за отсутствия финансирования забыли уже через год, а впоследствии ликвидировали и сам УКРНИИСП!

В настоящее время из 192 украинских сахарных заводов у нас осталось 120. Горько смотреть на этот сахарозавод, один из той уничтоженной трети, которая пережила царя, революцию, первую мировую и Большую Отечественную, но не пережила более поздних событий. Что же, нам уже действительно не нужно 192 завода, которые обслуживали весь Союз? Для насыщения рынка Украины хватит и полсотни предприятий. Только вот вокруг каждого сахарного завода находится посёлок на 10—30 тысяч людей. Он является бюджетообразующим не только для своего местечка, но и для района. Закроют завод, погибнет посёлок, а район станет депрессивным.

Несмотря на то, что из украинской науки были выброшены самые талантливые учёные, а новое руководство покорно пропагандирует генетически модифицированные гибриды, у нас ещё есть созданные советскими учёными сорта сахарной свёклы, способные давать в оптимальных условиях урожай до 1000 ц/га, сахаристостью 18—20%! Конечно, на старых плантациях ни таких урожаев, ни такой сахаристости не получишь. Как же совместить требование освоения новых площадей с требованием сохранения старых сахарозаводов?

Именно эту проблему решали ещё в 1970-е годы учёные моего КТИППа под руководством ректора, проф. И. М. Федоткина, разрабатывая дешёвую технологию экстрагирования сахара из свёклы и очистки его с помощью хладагенов. К сожалению, тогда эти разработки КТИПП на наивысшем уровне были признаны антигосударственными и антинаучными, а сам Федоткин убран с поста ректора и из вуза. Я не занимался этой «антинаучной и антигосударственной» разработкой. Но, когда был главным научным специалистом Павлоградского отделения Днепропетровского концерна «Агросинтез», по заказу Марийдорагропрома разработывал дробную технологию свеклосахарного произ-

водства. Для того, чтобы её понять, давайте рассмотрим традиционную технологию.

Сахарная свёкла — объёмный и скоропортящийся продукт, потому наиболее уязвимым звеном нынешних сахарных заводов являются кагатные поля, где хранится сахарная свёкла до самого окончания сезона сахароварения. Поскольку при транспортировке свёкла повреждается и теряет лежкоспособность, то плантации сахарной свёклы должны находиться в тридцатикилометровой зоне сахарных заводов. Если на западных заводах в кагатохранилищах располагают только двухсуточный запас, то на наших — запас на всё время сахароварения (45–90 суток). Именно поэтому наибольшую площадь на сахарозаводах занимают эти кагаты, а наибольшие потери сахара выпадают именно на хранение свёклы в них. К тому же внутриваровая транспортировка корней на мойку и резку, сама мойка, а также диффузоры, где сахар экстрагируется из свекольной стружки горячей водой, требуют огромной затраты воды, из-за чего рядом с заводом всегда находятся водоём и многогектарные поля фильтрации.

Покажу нынешнюю традиционную технологию производства на примере типичной частной агрофирмы в самом лучшем для свеклосахарного производства чернозёмном Липовецком районе Винницкой области в 2001/02 году.

После смены десятка владельцев завод и земли в его сырьевой зоне приобрёл миллионер, который имел доступ к дешёвым кредитам. Но местная власть у нас так часто меняется, что тот доступ через несколько лет был перекрыт, и ему пришлось делать то, что и всем окружающим (сейчас там другой владелец).

Единственное, что он смог, так это сохранить севооборот. А вот на удобрения средств уже не нашлось. Кроме аммиачной воды поля ничем не обрабатывались. Купили на местном частном семенном предприятии семена, «лучших голландских сортов». Только те семена оказались не голландскими, а неизвестного происхождения и неизвестных сортов. Это притом, что рядом находится Государственная Уладово-люлинецкая опытно-селекционная станция, которая не одно столетие занимается селекцией сахарной свёклы, а её прежний директор стал главой администрации района! Но пропагандировать продукцию своего детища он не стал, боясь обвинений в применении админ. ресурса.

Вся сельскохозяйственная техника для посева, обработки и уборки свёклы в советские времена выпускалась в Украине. К сожалению, сейчас эти предприятия на ладан дышат, и приходится использовать агрегаты ещё тех, советских, времён, ведь на импортную технику даже у миллионеров денег не хватает. Посеяли с горем пополам свёклу. Пестицидов нет, а если есть, то по заоблачным ценам. С весны до осени с сапками на плантациях горбатились, как крепостные крестьяне. Осенью на свекольные поля стало страшно выходить из-за вони

поражённых чёрной гнилью корнеплодов. С горем пополам собрали в сентябре немного больше 120 ц с гектара. Везли свёклу с поля сразу на переработку. В кагатах такая свёкла и пары суток не выдержит. Я смотрел лабораторные журналы. Средние показатели сахарной свёклы за последние 5 лет — засорённость до 30%, сахаристость — 10–11%! Да при княгине Сан-Донато, которой принадлежал этот завод при царе, засорённость сахарной свёклы была 4–5%, а сахаристость доходила до 18%! Больше 100 лет тому назад!

Таким образом, технологический процесс по традиционной технологии можно разбить на пять стадий: выращивание, сбор и хранение сахарной свёклы; экстракция из неё сахара и получения сырого диффузионного сока; очистка диффузионного сока; испарение-концентрация очищенного сока; кристаллизация, промывка и сушка сахара.

Что нужно сделать на каждом этапе, чтобы наш сахар стал конкурентоспособным?

Чтобы вырастить хороший урожай, нужны не только минеральные удобрения, но и обеспечение поля органикой. Следовательно, производителю свёклы нужно создать условия для возрождения поголовья скота. Ещё с советских времён главным врагом скота была зимняя бескормица. Одним из лучших зимних кормов является жом. Следовательно, оптимальным будет условие, когда производство свёклы и жома окажется в одних руках.

Не только от обеспечения плантаций удобрениями зависит урожай. Одним из главных факторов является качество семян. И не только в урожайности свёклы дело. Хорошую тонкую стружку, которая обеспечивает высокий выход сахара, получают только из хорошо отмытого корня правильной формы. Следовательно, нам нужны высокоурожайные, высокосахаристые сорта с корнем правильной формы (не уродливые, без впадин, трещин и наростов). У нас есть такие сорта: «Украинский ЧС 72», «Уманский ЧС 90», «Уманский ЧС 97», «Александрия». Они имеют средний потенциал урожайности 60–80 т/га и больше при сахаристости свыше 17–18%. Так как с удобрениями у нас нынче проблема, то целесообразно вспомнить опыт к. с. н. Евгения Максимовича Галатовича, который в 1970-е годы, не имея ни грамма удобрений, получал на Прикарпатской опытной станции высокие урожаи свёклы, используя в качестве предшественников сидераты рапс, масляную редьку, горчицу и зелёную рожь. Целесообразно включать в севооборот на полях сырьевой зоны сахарных заводов стевию, чтобы перерабатывать её по окончании сезона сахароварения. Надлежащий севооборот может помочь и при отсутствии гербицидов. Если предшественником свёклы будет озимая пшеница, она заберёт сорняки, особенно если правильно провести лучшие стерни.

В XXI столетии посев, обработка и сбор свёклы должны быть механизированными. К сожалению, наши Тернопольский и Днепропетровский комбай-

новые заводы едва дышат, Львовский «Сильгосп-маш» практически уничтожен. Самую надёжную и относительно дешёвую сельхозтехнику для свёклы на территории СНГ в настоящий момент выпускают Гомельский Сельмаш и Тульский комбайновый.

Наилучшими землями для выращивания сахарной свёклы являются чернозёмы и суглинки. На наших чернозёмах свёкла выращивалась веками, следовательно, нужно осваивать новые регионы с суглинистыми почвами. Чем больше завод, тем ниже себестоимость сахара. Поэтому и строят в настоящий момент десятитысячники. Но строительство нового завода стоит сотни тысяч долларов. Если вернуться к самому эффективному севообороту, то сырьевая зона не обеспечит даже тысячника. Выходит, нужно строить мини-сахарные заводы. Мой опыт с созданием безотходных комплексов показал, что при наличии технической документации, а она когда-то была разработана и в КТИПП, и в Курском ГНУ РНИ-ИСП, и в Новосибирском академгородке (adm@sibindustry.ru), это оборудование можно изготовить на любом продмаше! Не ожидая, пока наши продмаши наладят производство этого оборудования, его нам поставляет Китай (asiabusinessmail@sina.com) по цене сорокатонника 2 600 000 юаней. Но вряд ли в новых местах стоит строить мини-сахарные заводы по полному циклу. Ведь это приведёт к ликвидации старых сахарных предприятий с их многотысячными посёлками. Мини-сахарные заводы выгодны тем, что для них не нужно кагатного поля. На них перерабатывается корень, доставленный прямо с плантации. Хозяину для обеспечения плантации органикой нужно иметь дешёвый жом для скота. Следовательно, в новых местах нужно строить мини-сахарные заводы, которые будут перерабатывать сахарную свёклу на сок и жом.

Не думайте, что этот вопрос имеет лёгкое решение. Вспомните традиционную технологическую схему. Вымытый корень сахарной свёклы измельчается на тонкую стружку, из которой в диффузионных аппаратах горячей водой вытягивается сок. На складах многих «Продмашив» пылятся не купленные заказчиками диффузионные аппараты — колонные (КДА), наклонно-шнековые (ДС), ротационные (РТ), поскольку уступают импортным по всем показателям, кроме цены. Они громоздки и требуют значительных производственных площадей. На них трудно поддерживать оптимальный режим «главного нагрева» и почти невозможно работать с очень тонкой стружкой. Поэтому, вместо отечественных, сахарозаводчики предпочитают покупать китайские комплекты с комбинированным комплексным диффузором Dg40—80. Но беда китайского оборудования в его недолговечности. Поэтому стоит устанавливать своё, надёжное оборудование. С позиций специалиста, я рекомендовал бы технологию и оборудование, разработанные КГЭУ

и предприятием Казанского Технопарка «Идея» — ООО «rost». (rosta@extrel.ru)

А теперь вернёмся к нашим старым сахарным заводам. Минимум третью их хозяева владеют благодаря рейдерским захватам, благословлённым продажными судьями, прокурорами и милицией. Рабочие этих заводов и их агрохозяйств фактически являются крепостными, на которых даже можно охотиться, как это делал Лозинский, хозяин полей и лесов в Голованевском районе Кировоградщины. Тем более, если эта охота на людей ведётся в компании с прокурором и судьёй. Ясно, что такие заводы вместе с их землёй нужно национализировать и создать государственный агропромышленный сахарный комбинат, который включает государственную семенную сортоиспытательную станцию, агроподразделение, которое занимается выращиванием и уборкой сахарной свёклы, мини-завод первичной переработки свёклы и, наконец, сам сахарный завод, в котором из сахарного сиропа делают сахар-песок, а котельную используют и для генерации электричества. Конечно, в республиках с трайболистским режимом, как в Украине, это невозможно, но он ведь не вечен.

Следовательно, нам уже в настоящий момент следует подумать о снижении энергозатратности существующих сахарных заводов. Газ только во времена Союза был сверхдешёвым. Именно из-за этого, а также по требованию экологов в 70-е годы прошлого столетия руководство СССР приняло решение о «Газовой паузе» — переводе всех котельных из твёрдого и жидкого топлива на газ. Рассчитывали, что «Газовая пауза» продлится 15—20 лет, а за этот период будут разработаны новые, экологические технологии использования угле- и нефтепродуктов. К сожалению, с тех пор прошло почти полвека. Уже нет СССР, а экологические технологии использования угле- и нефтепродуктов никто не разработал и даже не разрабатывает. Да и цена их подскочила в сотни раз. Газ так и остается основным топливом в наших котельных. Раньше для сахарных заводов устанавливались льготные тарифы на газ. В настоящий момент их отменили. Ведь из-за этих льгот на заводах никто не думал об экономии. Мало того, этот льготный газ даже умудрились продавать на сторону.

Уже десяток лет изобретатель Александр Екимовских (KNOW-HOW@YEKIMOVSKI.KH.COM) пробивает свои каталитические насадки для газовых горелок, которые позволяют экономить до 30% газа. Я сам присутствовал на их успешных испытаниях в котельных Львовской ратуши и Львовского домостроительного комбината. Успешно прошли испытания и на Теофильском сахарном заводе Винничины. Испытания показали их высокую эффективность и минимальные расходы (на дополнительную теплоизоляцию внутренних стен котлов) на модернизацию котельных. Ему обещали поддержку все последние премьер-министры Украины. Но когда доходило до дела, в необходимых мини-

мальных средствах отказывали. А ведь его насадки на горелки не только экономят газ, но и способствуют повышению качества сахара.

Не нашу, КТИППовскую, и не свою дробную технологию я считаю технологией будущего. Они нужны только для того, чтобы сохранить существующие сахарные заводы, на которых работают и в посёлках при которых живут мои однокашники.

Существует, действительно, технология будущего, способная вывести наш сахар на мировой рынок и победить всех конкурентов ценой и качеством.

На постсоветском пространстве есть республики, в которых никогда сахарных заводов не было, или, как в республиках Прибалтики, по требованию ЕС была взята пятилетняя «свёклосохарная» пауза. Пауза уже заканчивается, но вряд ли после неё можно будет снова запустить заводы. Конечно, в эти республики поступают предложения от западных фирм поставить им заводы «под ключ», причём даже согласны поставить их в кредит. Но стоит средний сахарный завод более \$ 100 млн. А что стоят странам кредиты, мы знаем на примере Греции.

В то же время коллективом украинских учёных под руководством профессора Одесской государственной академии холода Леонарда Федоровича Смирнова (smirnov@matrix.odessa.ua) разработана безотходная «вымораживающая — газогидратная технология производства сахара и натуральных пищевых ингредиентов из растительного сырья», и оборудование для неё, которое стоит в сотню раз дешевле. Причём оборудование можно изготовить на любом отечественном продмаше, при авторском надзоре Смирнова. А если вовлечь в изготовление и усовершенствование оборудования коллектив кафедр теплообменных процессов и установок

Казанского государственного энергетического университета, то это оборудование будет отвечать мировым образцам.

По его расчётам стоимость оборудования для заводов 20 т/сутки по сахару — \$ 1 млн. 30 т/сутки — \$ 1,5 млн. 50 т/сутки — \$ 2 млн. Это даже дешевле оборудования для китайских мини-сахарных заводов, к тому же наши учёные привыкли отвечать за своё дело и всегда, когда нужно, придут на помощь!

Мне даже страшно назвать себестоимость тонны сахара-песка, который получается таким образом — \$ 70! Это ниже, чем у тростникового сахара! Мало того, по его технологии на этом же оборудовании можно перерабатывать и тростниковый сахар-сырец, и сахарный тростник, а во времена межсезонья вытягивать стевизиод из стевии, сок и экстрактивные вещества из плодово-ягодных и овощных выжимок, одновременно получая целебную, чистую талую воду. К тому же чистая талая вода ценна как для непосредственного употребления людьми, так и для получения экологически чистых видов энергии на её основе (см. сайт Александра Екимовских и статью Савелия Кашницкого в № 5 АИФ за 05.02.2010 «Доходное завихрение. Способна ли вода заменить в энергетике газ?»).

Как видите, у нас есть всё, чтобы возродить свёклосохарное производство. К сожалению, в моей Украине в настоящий момент и в ближайшее время это сделать будет невозможно. Что же, мы привыкли, что наши собственные разработки приходят к нам из-за границы. На постсоветском пространстве ещё есть государства, которые нуждаются в таких разработках, да и наша диаспора на Западе и в Америке способна воспринимать идеи, которые приносят успех.

Евгений Ихлов

Власовская альтернатива МОЩНОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДАСТ НАРОДАМ РОССИИ ШАНС СОХРАНИТЬ ГОСУДАРСТВО

Название — специально провоцирующее. Новый взрыв дискуссии о тех подданных Сталина, которые пошли сражаться с его режимом в составе войск Третьего рейха, дискуссия, которая стала тенью дискуссии о сути сталинского режима, как обычно, обошла самый важный вопрос по данной теме: «Какую альтернативу сталинизму предлагал генерал Власов, точнее, его идеологи, близкие к “солидаризму” — русской версии доктрины “консервативной революции”?»

В том числе, как они видели национально-государственное устройство России (имелась в виду «Большая Россия» равно СССР) и место России в мире. Как ни странно, но это абсолютно взаимосвязанные вещи.

Задача Власова (конечно, речь идёт о коллективном Власове) была опереться на более-менее целостную программу, альтернативную сталинизму.

Ультраправые (православно-монархические) и левые (троцкистские и социал-демократические) доктрины он отсек как уже потерпевшие историческое поражение.

Концепция Сталина (в переводе на язык современных понятий) в конце тридцатых — начале сороковых годов выглядела так: убеждение в избранности

Евгений Ихлов — активный участник постперестроечного политического движения либерального направления, эксперт «Движения за права человека».

(исторически-цивилизационная особость) общности имперского типа, формально разделённой на этнические сатрапии, в которых заботливо культивируется этнографическое своеобразие, при безусловном доминировании особо тщательно селективного (гонения на церковь, традиционную интеллигенцию, аристократию, сельскую элиту) великорусского типа — в качестве Старшего Брата для других этносов и цивилизационного эталона для натурализации.

Альтернативой этой концепции стала «власовская» (см. Пражский манифест Комитета освобождения народов России — запоздалую идеологическую откровенность власовцев) — предоставление государственной самостоятельности народам СССР и создание национальной русской государственности — внимание — интегрированной в европейскую цивилизацию, в которой заведомо доминирует иная, чем русская, цивилизационная модель (на тот момент — немецкая).

Вот она, дилемма последних пяти веков русской государственности. Либо то, что называется «универсальная мессианская империя», либо национальное русское государство — равный партнёр с другими бывшими частями Российской империи и младший партнёр (ученик) европейской цивилизационной доминанты — германо-романского мира.

Это две устойчивые модели: империя и особый путь; национальное государство и интеграция в Европу.

Рекомбинация элементов даёт, как показала история, неустойчивые сочетания: ускоренная европеизация империи при последних Романовых и европеизация СССР при Горбачёве привели их «лоскутные» державы к распаду. По очень простой причине: каждый народ (каждая национальная элита) империи счёл, что лучше европеизироваться он сможет самостоятельно. Национальное государство, избравшее «особый путь» и отказывающееся от причастности к цивилизационным полям следующего порядка, быстро превращается в исторический заповедник.

Ельцин попробовал создать под видом СНГ и РФ либерально-имперскую «матрёшку». Выяснилось, что «российско-демократическая» модель не обладает никакой привлекательностью ни как культурный, ни как социальный, ни как политико-идеологический образец. Эта «матрёшка» держалась только на основе экономических предпочтений (для СНГ по ценам на углеводороды; для республик России — по оставляемым на местах налогам и доходам), показательных расправ с сепаратистами (чеченцами) и полного развязывания рук республиканских этнократий.

Путинская «суверен-демократия» стала попыткой воссоздать модель «особого пути» — патернализм и националистическая и клерикальная альтернатива европейской демократии. Обещанием политической стабильности, милитаристско-авторитарной эстетики и грёзами о каплях от потоков газоеврового изобилия путинизм привлёк

сердца внероссийского электората, но жёсткий экономический эгоизм и кичливая имперская риторика оттолкнули от России большинство её соседей.

Обещанием «модернизации» Кремль второй раз за последние четверть века приступил к разрушению концепции «особого пути».

Пропадает и старательно насаждаемый страх перед демократией как разгулом вседозволенности. С социальным патернализмом будет покончено немедленно после следующих президентских выборов. Для национальной консолидации остаётся только национализм. Однако в современной России основой идентичности подавляющего большинства населения является этноконфессиональная идентичность.

В этих условиях национальный вопрос (в котором, как уже было отмечено, спрятаны два — место России в мировой цивилизации и отношения между этносами внутри Российской Федерации) становится главнейшим.

Именно поэтому основные политические силы от него либо уходят, либо отделиваются невнятные лозунгами. Так ведут себя и правые, и левые, и умеренные. Все понимают его сугубую важность при воссоздании разваливающейся государственности и не желают вынести на общую дискуссию, понимая его взрывчатый характер.

В принципе, этому есть объяснение — определённость может оттолкнуть электорат. А электорат мучается раздвоением: с одной стороны, хочется сохранить многонациональную державу или даже вернуть, пусть и частично, СССР; с другой стороны, хочется, чтобы твой народ был самым крутым (по всей стране или в «титульной» республике) — без особых представлений о том, как убедить остальных с этим смириться. Это как ксенофобия мегаполисов: выходцы из мелкобуржуазной среды (вежливо называемой *средний класс*) вовсе не претендуют на места дворников или рыночных разнорабочих, но их раздражает обилие смуглых, непонятно говорящих, жарящих шашлыки на балконах... Они хотят великую державу... и таможенную заставу на МКАД. Они хотят иметь в составе своей страны Белоруссию и Украину — и продавать им нефть и газ даже дороже, чем любимым немцам (см. данные опросов «Левада-центра»). Да, это социальная шизофрения. Но какой вменяемый политик скажет избирателям про их шизофрению?

Последовательность могут позволить себе только политические аутсайдеры.

Из оппозиции лишь крайне правые готовы до сказать до конца про желаемое национально-государственное устройство.

Таковых два, и оба основаны на национальной гомогенности: либо принудительной — унитарное государство с этническими бантустанами (преимущественно для мусульман), либо добровольной — исключение из будущего Русского государства нерусских территорий (с обязательной русифика-

цией желающих остаться). Правым националистам просто. Они понимают, что к власти их приведёт только национальная катастрофа — распад Российской Федерации или хаос после падения режима фашистского типа, который и так будет всю эксплуатировать национальную тему. Им достанет только высадить на эту тщательно возделанную национализмом почву свои лозунги прямого народовластия и социальной справедливости.

Сложнее левым националистам — они почитают только сталинский вариант решения национального вопроса, но, по нынешним временам, они ничего из него повторить, кроме, скажем, «дела врачей-олигархов», не смогут.

Левые интернационалисты и либеральные интернационалисты — политически исчезающе малая величина. И чем больше они будут проявлять принципиальность, тем меньше у них электоральных шансов. В этой принципиальности разгадка недавнего кризиса в «Солидарности»: деятелям, которые честно сказали в своих блогах (но на сайте организации), что они думают о мусульманах и о том, какое им должно быть отведено место в будущем, когда страна сделает демократический выбор, показали на дверь. Хотя их доводы должны были гораздо больше нравиться потенциальному среднелегитимному избирателю, чем правозащитные заклинания.

Российская Федерация — это сердце гигантской континентальной империи, а не просто огромное пространство, населённое различными этносами и представителями различных конфессий, она включает в свой состав несколько поглощённых или неразвившихся государств. Эти потенциальные государства вполне могут восприниматься как страны/земли (*land*), поскольку их население имеет отчётливое этнокультурное своеобразие, автономную систему социальных связей и исторически связано с определённой географической областью.

Поэтому утопичны любые административно-унификационные проекты, ибо трудно объяснить народам этих *land*-ов, что всё отменяется и отныне они — подданные единой унитарной страны, а свою национальность они могут оставить для дома и семьи, а также для фольклорных кружков.

Это вызовет, мягко говоря, непонимание. Грёзы о превращении Татарстана в Казанскую область тем смешнее, что грезящие понимают: такое превращение станет либо итогом кровопролитной гражданской войны в центре России, либо — её запалом.

Сегодня бессмысленно соблазнять нерусских, привязанных к своим *land*-ам, возможностью стать «русским». На их глазах дважды распалась русская империя и пала русская власть.

Они отлично знают, что «энергетическая сверхдержава» Путина жива лишь экспортом углеводородов, каждая молекула которых добыта на родовых *land*-ах тюрков и мусульман. Житель *land*-а — это не представитель диаспоры, жаждущий скорейшей натурализации, для которого предел мечтаний — «этнический квартал» со своими хра-

мом, рестораном и библиотекой; он чувствует себя жителем своей страны, пусть и входящей в состав державы (страны второго порядка)...

Россия содержит в себе и несколько альтернативных вариантов государственного развития, привязанных к отдельным историческим областям:

1. несостоявшееся вольное государство американского типа (без крепостных и аристократии) на территории за Уралом;

2. несостоявшиеся казачьи республики на Дону и Кубани;

3. несостоявшийся «конституционный» феодализм — феодальные республики европейского типа на базе торговых городов — Великого Новгорода и Пскова (точнее, по всей Северо-Западной Руси);

4. несостоявшийся горский эмират на Северном Кавказе;

5. несостоявшееся мощное тюркское царство от Поволжья до Восточной Сибири;

6. несостоявшееся русское национальное княжество (королевство) между Смоленском и Самарой (не так важно, со столицей в Москве, Твери или Владимире)...

7. Эти альтернативы — не просто благодатная почва для вдохновения историков и фантастов. Каждая из этих альтернатив может получить шанс для перехода из потенциального состояния в кинетическое при благоприятных исторических условиях.

1918 год дал шанс казачьим республикам (что похоронило планы Деникина).

Лужковская Москва — это выглянувший из прошлого феодальный торговый город-государство.

Ельцин «высвободил» «вечевую», феодально-республиканско-олигархическую традицию, заглушенную Иваном Третьим, избравшим имперско-царистскую парадигму государства...

Колчак, точнее, борьба с ним сибирских партизан, давала шанс сибирской демократической республике... То, что было свёрнуто в 20-м, при большевизации Сибири, может «развернуться» ещё раз (скорее всего, обязательно развернётся).

Сейчас понятно, что в России нет доктрины, которая могла быть одновременно и наднациональной, объединяющей её этносы и конфессии, и уникальной.

В «Европу» проще стремиться врозь (и не просто отдельно РФ и отдельно Украина), но и отдельно Тюмень, отдельно Москва, отдельно Петербург, и отдельно Кёнигсбергщина. Православная идея объединит с частью Украины и Белоруссии, но разделит с Северным Кавказом. С другой стороны, «истинный ислам» объединяет кавказскую этническую чересполосицу, но отделяет и от Кремля, и от «европейского выбора».

Национальная этническая идентичность тождественна сама себе — ей не нужны никакие сложные доктрины для обоснования, только мифологизация истории, точнее, запрет на критический подход

к уже культивируемым историческим мифам. Недохунвейбины устраивают публичные поругания книг историков-ревизионистов, назначенная следствием экспертиза признаёт экстремистской статью убитого адвоката Станислава Маркелова «Патриотизм как диагноз» (не убили бы — сейчас судили бы, как Самодурова и Ерофеева). Юстиция преследует организаторов художественных выставок и художников, работы которых критически осмысляют русско-православную национальную мифологию, например, Елену Хейдиз.

Но такая мифология — политическая эзотерика, её не то что другим народам не предложишь, её серьёзным-то людям показать совестно.

Многонациональные государства могут достаточно стабильно существовать, когда они — империя, основанная на цивилизационной общности и уникальности. Империя, помещённая в поле цивилизации более высокого порядка, неминуемо распадётся, как только имперский центр перестанет быть эксклюзивным «порталом», обеспечивающим доступ к этой цивилизации, а интеграция в общеимперский истеблишмент (говоря словами Айтматова, превращение в «манкурта») — единственный вариант значимой социальной мобильности.

Государства, состоящие из нескольких национальных общин: любимая Лениным Швейцария, Великобритания, Канада, Бельгия, Ливан — могут быть стабильны, когда у них есть позитивный опыт совместного межэтнического партнёрства и были факторы, более значимые для объединения, чем разделяющие их. Ливан был арабским островом стабильности и свободы среди ближневосточных войн и диктатур. Для французов-кальвинистов религиозная и политическая свобода в Швейцарской конфедерации была важнее, чем племенное родство с рьяными французами-католиками, терпящими феодальный разгул, а затем абсолютизм Версаля и кошмар революций и войн. 180 лет назад, когда Бельгия восстала и добилась независимости, католицизм Фландрии объединял её с франкоязычной Валлонией и разделял с голландскими соплеменниками-протестантами. Сейчас два века секуляризации убрали религиозный фактор, и во весь рост закрасовался фактор национальный.

Огромный вред любому обсуждению национального вопроса наносят напоминания о мартовском референдуме 1991 года. Во-первых, он юридически мёртв — и в России, и в других государствах, после этого прошли другие референдумы: по утверждению государственного суверенитета и независимости. Во-вторых, он мёртв политически — нет силы, которая могла бы уничтожить 15 независимых государств (с явным риском третьей мировой войны), объясняя свои действия выполнением воли народов. И, в-третьих, референдум вообще очень лукавая вещь — на выборах ты формируешь власть на 2–7 лет, потом ты можешь передумать и привести к власти оппозицию. На референдуме ты как бы

определяешь судьбу страны на десятилетия. Но ты уже передумал... Ещё более смешны ссылки на сделанный народами 400–500 лет назад выбор — как будто соглашения феодалов между собой что-то значат для современных наций.

Возможно, многие турки хотели бы воскрешения Османской империи. Осталось уговорить арабов, греков, болгар, сербов... армян... Для воскрешения Австро-Венгерской монархии, кроме ностальгии кучки австрийских немцев, нужно было ещё желание венгров, чехов, хорватов, поляков...

Инерционное политическое развитие неизбежно ведёт к демонтажу Российской Федерации.

Алжир не будет французским. Ливия не будет итальянской. Индия не будет английской. Кавказ не будет...

Единственное, что может сохранить Россию, — это актуализация общности судьбы.

Такая актуализация возможна только в результате нескольких сценариев: всенародная борьба с жестоким захватчиком; всенародное освободительное движение против полицейской диктатуры и невыносимого гнёта; всенародный цивилизационный прорыв. Мечты различных сегментов оппозиции о Сталине, Гитлере, Столыпине и организаторе геноцида народов Северного Кавказа Александре II страну не объединят.

В китайские полчища, отражая которые, у стен Москвы братаются русские, чеченцы и азербайджанцы, как-то не верится. В то, что «Сколково» — эта новая синтезированная «Кукуйская слобода», или даже финансовый дождь на наукограды — объединит народы, верится ещё меньше. Об объединении народов России с помощью предвыборного набора парламентской лево-патриотической оппозиции (поделить углеводороды, усилить социалку, поддержать малый бизнес, дать отпор русофобам) говорить смешно. Три века российской имперской традиции исчерпали её полностью. Россия может обрести устойчивость либо как гражданская нация, либо как этноконфессиональная Русь (суущественно меньшая по размеру — в процессе утраты Кавказа отломится и Сибирь). Но не может быть гражданской нации рабов. Поэтому только мощное освободительное движение даст народам России шанс сохранить государство, обретя единство надежды вместо нынешнего единства страха.

Только тогда можно будет внятно возразить генералу Власову. 66 лет тому назад ему как бы говорили: «Мы едины, потому что мы — равноправны, мы защищаем страну от немецких поработителей, у нас — самое справедливое общественное устройство».

Сегодня мы — неравноправны и измучены ксенофобией, мы молимся на Германию, мы считаем власть оккупантами, а правители нас — быдлом. Даже защитники Сталина (в отличие от защитников тридцатых-пятидесятых годов) уже не скрывают террора, искусственного голода и депортаций — они многократно прославляют эти меры как единственно возможные.

При любой политической и идеологической дискуссии, пущенной на самотёк, вопрос стремительно съезжает в этнонациональную плоскость как психологически самую привлекательную.

Это настоящий вызов тем, кто ассоциирует себя с победителями 1945-го. Но нужно либо практически найти возможность без террора и тотальной цензуры сохранить Россию как многонациональное образование, либо честно признать, что генерал Власов был прав: лучшая участь для нашей страны — это разделиться на этнические государства,

высшим достижением которых будет интеграция в Западную Европу на правах трудновоспитуемых младших братьев.

Если на некоем спиритическом сеансе (хоть и проклят вызывающий мёртвых) возразить русскому Антидеголлию: «Вы проиграли, вас повесили», то тень генерала, потирая странгуляционную борозду, ответит: «Моих палачей расстреляли или с позором отправили в отставку, мой флаг — над Кремлём».

65 ЛЕТ ДНЯ ПОБЕДЫ

Кирилл Александров

Острые вопросы по истории Второй мировой войны

— Долгие годы считалось, что «наших» на войне погибло 20 млн., а немцев — ок. 11 млн. Существует ли сейчас достоверная статистика? Сколько граждан СССР погибло во время ВОВ (мирного населения и военных)? Сколько погибло граждан Германии (мирного населения и военных)?

— Единой точки зрения и общепризнанной статистики нет. Достоверная оценка людских потерь Советского Союза в период войны с Германией и ее союзниками представляет одну из самых сложных проблем в современной исторической науке. Представители официальных ведомств и организаций, ученые и публицисты, которые два последних десятилетия называют самые разные цифры и предлагают собственные методы расчетов, согласны друг с другом лишь в одном — в том, что их оппоненты руководствуются идеологическими пристрастиями, а не стремлением приблизиться к исторической истине. В нашем разговоре мне бы хотелось принципиально подчеркнуть это слово «приблизиться», потому что установить полную цифру отечественных людских потерь вряд ли реально. Но составить общее представление вполне возможно. Разумеется, высказанное ниже мнение — это лишь частный взгляд одного из исследователей. Но прежде чем поделиться собственными суждениями на эту тему, мне бы хотелось в начале нашего разговора обратить внимание читателей на принципиальное обстоятельство.

Почти полвека нашего соотечественника принуждали смотреть на войну между Германией и Советским Союзом не только исключительно в масштабах одного (Восточного, назовем его для ясности так) фронта, но и вне событий, происшедших до 22 июня 1941 года в ходе Второй мировой войны. Когда, например, Советский Союз вступил

во Вторую мировую войну?.. В сентябре 1939 года исчезло Польское государство. Мы не забываем, что в ходе этой необъявленной советско-польской войны погибли 1475 бойцов и командиров Красной армии? Это ведь уже сотни жизней всего за две с половиной недели. Кстати, напомним читателю, что первой мужественной защитой Брестской крепости от войск Вермахта в середине сентября 1939 года руководил бригадный генерал Константин Плисовский — некогда храбрый ахтырский гусар, штабс-ротмистр и офицер Русской Императорской армии, расстрелянный органами НКВД в 1940 году.

В результате разгрома Польши между Германией и СССР возникла общая граница. С точки зрения обороноспособности СССР это было хорошо или плохо? Настоящий факт нельзя игнорировать, рассуждая о трагедии лета 1941 года... Далее. Советские безвозвратные потери (погибшими, умершими и пропавшими без вести) во время кровавой советско-финляндской войны 1939—1940 годов сегодня оцениваются в диапазоне от 131 тысячи до 160 тысяч военнослужащих. Из запросов родственников на основании полученных похоронных извещений ясно, что далеко не все имена погибших оказались внесены в книги поименного учета потерь на этом театре военных действий. Это эквивалент численности примерно 12—13 дивизий. Безвозвратные потери финнов — 24,5 тысячи военнослужащих. Зимняя война — часть Второй мировой? Можно ли забывать ее причины, ход и военно-политические последствия, когда мы говорим, например, о блокаде Ленинграда? Очевидно, что нельзя. Но тогда почему только что минувший 70-летний юбилей этой «незнаменитой войны», которая унесла десятки тысяч жизней, остался вообще незамечен в современной России на фоне другой триумфальной кампании? Война в Финляндии не вписывается в сталинскую, до сих пор

Интервью Издательскому дому С.-Петербурга, оставшееся не опубликованным.

господствующую в массовом сознании концепцию «локальной» войны миролюбивого социалистического Советского Союза с агрессивной национал-социалистической Германией. Поэтому ни у власти, ни у общества не нашлось ни слов, ни средств, чтобы отметить печальный юбилей Зимней войны и почтить память ее жертв.

Но проблема не только в том, что драма 1939—1940 годов неразрывно связана с трагедией последующих лет. На мой взгляд, вообще невозможно говорить о войне с Германией вне контекста истории советского государства. 22 июня 1941 года — это прямое следствие событий, происшедших 25 октября 1917 года, как бы это ни показалось кому-то парадоксальным. Многие человеческие поступки и поведение в годы войны были следствием не прекращавшейся с 1917 года гражданской войны, террора и репрессий, коллективизации, искусственного голода, ежовщины, создания в государственном масштабе системы принудительного труда, физического уничтожения большевиками самой крупной Поместной Православной Церкви в мире. С конца 1920-х годов власть упорно и последовательно вынуждала людей, живших в лишениях, страхе и нищете, лгать, изворачиваться, приспосабливаться. Сталинская система к 1941 году привела к полному обесцениванию человеческой жизни и личности. Рабство стало повседневной формой социально-экономических отношений, а дух и душу разрушало всеобщее лицемерие. Можно ли забывать об этом, когда мы говорим, например, о соотношении потерь?

В прошлом году в Петербурге ушел из жизни Николай Никулин — выдающийся петербургский ученый-искусствовед, фронтовик-орденоносец. Он был многократно ранен, воевал в 311-й стрелковой дивизии, прошел всю войну и закончил ее в Берлине сержантом, чудом оставшись в живых. Его мужественные «Воспоминания о войне» — одни из самых пронзительных, честных и безжалостных по правдоподобности мемуаров. Вот что, в частности, Николай Николаевич писал о наших потерях, основываясь на собственном опыте боев на Волхове и под станцией Погостье:

«На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме. Приведу пример. Из высших сфер поступает приказ: взять высоту. Полк штурмует ее неделю за неделей, теряя по тысяче людей в день. Пополнения идут беспрерывно, в людях дефицита нет. Но среди них опухшие дистрофики из Ленинграда, которым только что врачи приписали постельный режим и усиленное питание на три недели. Среди них младенцы 1926 года рождения, то есть сороклетние, не подлежащие призыву в армию... "Вперред!!!", и все. На-

конец, какой-то солдат, или лейтенант, командир взвода, или капитан, командир роты (что реже), видя это вопиющее безобразие, восклицает: "Нельзя же гробить людей! Там же, на высоте, бетонный дом! А у нас лишь 76-миллиметровая пушконка! Она его не пробьет!"... Сразу же подключается политрук, СМЕРШ и трибунал. Один из стукачей, которых полно в каждом подразделении, свидетельствует: "Да, в присутствии солдат усомнился в нашей победе". Тотчас же заполняют уже готовый бланк, куда надо только вписать фамилию, и готово: "Расстрелять перед строем!" или "Отправить в штрафную роту!", что то же самое. Так гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом, люди. А остальные — "Вперред, в атаку!", "Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!" А немцы врылись в землю, создав целый лабиринт траншей и укрытий. Поди их достань! Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат. Надо думать, эта селекция русского народа — бомба замедленного действия: она взорвется через несколько поколений, в XXI или XXII веке, когда отобранная и взлелеянная большевиками масса подонков породит новые поколения себе подобных».

Страшно?.. Попробуйте возразить. Во всяком случае, мне представляется, что существует прямая связь между количеством жертв, которые понес наш народ в годы Второй мировой войны, начиная с сентября 1939 года, и теми необратимыми изменениями, которые произошли в стране и обществе после Октябрьского переворота 1917 года. Например, лишь достаточно вспомнить о последовательном уничтожении большевиками русского офицерского корпуса. Из 276 тыс. русских офицеров по состоянию на осень 1917 года к июню 1941 года в армейском строю находилось вряд ли более несколько сотен, и то, преимущественно — командиров из бывших прапорщиков и подпоручиков. Поэтому рассматривать войну вне контекста отечественной истории предшествующих двадцати лет — это означает вновь обманывать самих себя и оправдывать всероссийское самоистребление XX века, в результате которого наш народ неуклонно сокращается.

Военные потери Германии сегодня, в общем, достаточно установлены и систематизированы в одном из последних фундаментальных исследований Рюдигера Оверманса. Третье издание его труда «Германские военные потери во Второй мировой войне» состоялось в Мюнхене в 2004 году.

По наиболее известным данным, всего германские Вооруженные Силы на всех театрах военных действий в 1939—1945 годах потеряли 4,13 млн. человек погибшими, в том числе на Восточном фронте — от 2,8 млн. до 3,1 млн. человек. Колебание в оценках потерь на Востоке обусловлено сохраняющейся неясностью в судьбах части пропавших без вести и военнопленных.

В 1985 году Федеральная служба по оценке военных потерь в ФРГ объявила о 3,1 млн. погибших

и 1,2 млн. пропавших без вести, итого — 4,3 млн. на всех театрах военных действий. Оверманс увеличил эту цифру до 5,3 млн. В нее также включены граждане СССР, погибшие и учитывавшиеся в составе войск противника. Оценить эту категорию потерь достаточно сложно, но цифра в 300 тыс. представляется вполне допустимой, и, может быть, неполной. По данным Оверманса, на Востоке погибли 2 млн. 743 тыс. человек, и ещё 1 млн. не вернулся из плена. К этой цифре можно добавить 600—700 тыс. человек из числа союзников Германии (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии и др.), погибших преимущественно на Востоке. Итого 2,7 млн. + 1 млн. + 700 тыс. = 4,4 млн. Из этой цифры необходимо вычесть 200 тыс. восточных добровольцев, учтенных среди советских потерь (еще минимум 100 тыс. погибли на других театрах военных действий). Тогда возможная итоговая картина будет выглядеть так:

— Общие военные немецкие потери погибшими на всех театрах военных действий — 5,3 млн. (по Овермансу), а без восточных добровольцев — 5 млн.

— В том числе немецкие потери погибшими на Востоке — 3,5 млн. (без граждан СССР).

— Потери погибшими на Востоке Германии и ее союзников, включая не вернувшихся из плена — 4,2 млн. (без граждан СССР).

Определенная дискуссионность в оценках германских военных потерь есть. Исследования и полемика по данным вопросам продолжаются. Но в целом картина достаточно представима. Потери погибшими гражданского населения Германии оцениваются в Германии примерно в 2 млн. человек, включая жертвы союзных бомбардировок (примерно 500 тыс.). Таким образом, мне представляется, что суммарная цифра германских потерь погибшими составляет примерно 7 млн., из которых большую часть составляют потери военные.

Вопрос с безвозвратными потерями Советского Союза гораздо менее ясен. Итоговый разброс цифр поражает воображение — от 27 млн. до 43 млн. человек. Сразу же оговорюсь, мне не кажутся убедительными и достоверными верхние цифры, которые, например, еще в 1990-е годы называл Б. В. Соколов. Как раз напротив, цифра в 27—28 млн. суммарных потерь представляется вполне реалистичной. Полагаю, что расчетные методы, которые использовала группа специалистов-демографов во главе с известным исследователем Евгением Михайловичем Андреевым, более совершенны и справедливы, чем методы Соколова. Ещё в 1993 году группа Андреева определила общее число безвозвратных потерь населения СССР в 1941—1945 годах в 27 млн. человек — и это, что существенно, согласуется с данными переписи 1959 года. Проблема, однако, в том, что, на мой взгляд, как и в случае с германскими потерями, основную долю составляют потери не гражданского населения, а потери советских Вооруженных Сил. И с этой точки зрения официальная цифра,

на которой настаивает Министерство Обороны — 8 млн. 668 тыс. 400 человек — не выдерживает критики. Достаточно упомянуть о том, что по всей вероятности за основу потерь была просто взята цифра (7 млн.), которую в свое время сообщил Сталин в 1946 году, выдав ее за общую цифру безвозвратных потерь всего населения. Получена она путем механического суммирования разных мало достоверных сведений из официальных отчетов и сводок. Самое удивительное, что настоящая цифра исчислена до сотен человек (!), хотя участники авторского коллектива генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, которые и ввели ее в научный оборот, откровенно признавали, что от многих дивизий, корпусов и армий за один только 1941 год не осталось никаких документов, позволяющих определить убыль личного состава хотя бы приблизительно.

Если принять во внимание официальные данные, получается, что на одного погибшего представителя командно-начальствующего и политического состава приходится чуть больше семи рядовых. На мой взгляд — это невероятное соотношение. Что же, у нас младшие лейтенанты и лейтенанты отделениями командовали?.. Можно взглянуть на проблему и с другой стороны. Из официальных данных Министерства Обороны следует, что основную долю потерь погибшими населения СССР — две трети — составили потери гражданского населения. Допустим так. Однако на фронте гибнут в первую очередь мужчины, а среди гражданского населения — женщины и дети. Тогда, по версии Министерства Обороны, большинство погибших граждан СССР составили женщины и дети. Но в 1959 году на каждых трёх женщин в возрасте от 30 до 74 лет приходилось всего два мужчины. Поэтому точка зрения, в соответствии с которой две трети потерь погибшими составили потери гражданского населения, мне представляется неверной. Как мне кажется, более-менее близкое к действительности представление о безвозвратных военных потерях СССР позволяют составить два источника.

Во-первых, это картотеки персонального учета безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава, которые хранятся в фондах Центрального архива Министерства Обороны (ЦАМО) в Подольске. После подвижнической и кропотливой работы по изъятию дублирующих карточек на рядовой и сержантский состав, которая была завершена сотрудниками уже в начале нового века, оказались учтёнными 12,6 млн. человек. Ещё в 1960-е годы примерно 1 млн. человек были учтены среди офицерского состава, включая политработников и другие категории начальствующего состава, итого — 13,6 млн. павших. Настоящую цифру ввёл в широкий научный оборот мужественный историк, полковник Владимир Трофимович Елисеев, старший научный сотрудник ЦАМО, который смело отстаивал результаты своих исследований на разных научных конференциях, несмотря на то неудовольствие, которое он вызывал. Видимо группа ге-

нерала Кривошеева, «считавшая» потери с конца 1980-х годов, картотеки персонального учёта в расчёт вообще не принимала. 13,6 млн. павших — это без потерь призванных, но не учтённых до 22 июня военнообязанных резервистов, а также без потерь флота, пограничников, войск и органов НКВД, разных военизированных формирований, партизан, а также — призывного контингента, который вливался в войска действующей армии на освобождённых от оккупации территориях и сразу же бросался в бой. По разным воспоминаниям и свидетельствам, на освобожденных территориях в качестве маршевого пополнения соответствующие органы часто забирали буквально всех мужчин, способных держать оружие и невзирая на возраст — и 16–17-летних, и 50-летних. Бывали случаи, когда их отправляли на передовую даже в гражданском. Для большинства первый бой оказывался и последним. Особенно широко это практиковалось в 1943–1944 годах. Армия шла на Запад, политорганы подгоняли, и «освобожденцев» не щадили, тем более, они долгое время находились в оккупации и выглядели подозрительными по определению. Неудовлетворительно был поставлен и учет потерь бойцов разных ополченческих формирований в 1941–1942 годах. Поэтому, когда историк Д. А. Волкогонов опубликовал в одном из своих трудов суммарную цифру безвозвратных военных потерь СССР в 16,2 млн. человек, ссылаясь на некий секретный документ на имя Сталина, мне кажется, он был очень близок к истине.

Во-вторых, ещё в 1995 году практически была завершена работа по введению в Центральный банк данных персональных записей о погибших, пропавших без вести, умерших в плену и от ран воинов, в первую очередь, на основании сведений, поступивших от родственников. Таковых записей оказалось округленно 19 млн. Надо сказать, что упомянутая группа Е. М. Андреева оценивала общее число мужчин призывного возраста, погибших в 1941–1945 годах, в 17 млн. человек.

На основании всех названных данных мне представляется, что военные потери СССР в 1941–1945 годах погибшими можно оценить не менее чем в 16–17 млн. человек, включая потери военнообязанных женщин, а также мужчин и юношей призывного возраста, тем не менее, де-факто состоявших на военной службе.

Оставшиеся безвозвратные потери гражданского населения можно распределить так: примерно 1 млн. — жертвы ленинградской блокады, до 2,2 млн. — жертвы нацистского террора в оккупации, 300 тыс. — избыточная смертность при сталинских депортациях народов, 1,3 млн. — повышенная детская смертность на остальной части СССР, более 5 млн. — повышенная взрослая смертность в результате ухудшения условий жизни по обстоятельствам военного времени на остальной части СССР (включая заключённых, умерших в ГУЛАГе, где годовая смертность в 1942–1943 годах составляла 20–25%).

Последние две категории жертв войны среди гражданского населения особенно редко упоминаются и учитываются. Власть скрывала, что в военные годы существовала, например, массовая смертность от голода на Вологодчине, в Якутии и некоторых других регионах Советского Союза. Возможно, что погибшими и пропавшими без вести в годы войны считаются и примерно 450 тыс. советских граждан, на самом деле оставшихся после 1945 года на Западе и оказавшихся в эмиграции (включая беженцев из Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии). Такой печальный порядок цифр. Точные же безвозвратные потери нашего народа в годы Второй мировой войны, боюсь, не станут известными никогда.

— Можно ли сопоставить военные потери в ходе боевых действий немецкой и российской армии?

— Сначала принципиальная оговорка. Давайте все-таки учитывать, что Русская Императорская или Российская армия, которая ведет свое начало от полков иноземного строя первых Романовых, и Рабоче-крестьянская Красная армия, созданная в 1918 году Л. Д. Троцким — это все-таки совершенно разные армии. Поэтому отождествлять Российскую армию и РККА неверно. Потери погибшими, о которых Вы спрашиваете, можно себе представить приблизительно. Из вышеприведенных возьмем средние расчетные цифры: Вооруженные Силы СССР — 16,5 млн., Германия и ее союзники на Восточном фронте — 4,2 млн. Соотношение потерь практически 1: 4. Это уже приближается к соотношению безвозвратных потерь в финскую войну 1: 6.

— Существуют ли еще примеры в мировой истории, когда страна-победитель теряет в несколько раз больше людей, чем побеждённое государство?

— По итогам русско-японской войны 1904–1905 годов соотношение потерь оказалось в пользу России. Суммарные безвозвратные потери русских войск и флота оцениваются в 52,5 тыс. чинов, противника — в 88 тыс. Но в несколько раз... Сразу мне трудно привести такой пример.

— Сколько погибло наших пленных?

— В Русской Императорской армии плен не считался преступлением, общественное мнение относилось к пленным как к страдальцам. Им сохранялись чины, награды, денежное довольствие, плен засчитывался в стаж службы. При активном участии Николая II и русских дипломатов появилась знаменитая Гагская конвенция 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны», определявшая права военнопленных. В 1914–1917 годах в плен попали 2,4 млн. чинов русской армии, из которых умерли не более 5%.

В 1941–1945 годах, по данным противника, в плен попали около 6,2 млн. советских военнослужащих. Из них до 13 ноября 1941 года были освобождены и отпущены на оккупированных территориях почти 320 тыс. человек — преимущественно те, кто называл себя «украинцами» или «белорусами».

Кстати, очень большая цифра, фактически эквивалент численности двух армий. Из оставшихся 5,8 млн. (исключая перебежчиков, которых насчитывалось за все годы войны 315 тыс. — еще по численности две армии) умерли от голода и лишений, а также погибли от нацистских репрессий 3,3 млн. (60%). Из выживших 2,4 млн. советских пленных примерно 950 тыс. вступили на службу в разные антисоветские вооруженные формирования (РОА и др.), около 500 тыс. бежали или были освобождены в 1943—1944 годах советскими войсками и союзниками, остальные (около 1 млн.) дождались весны 1945 года. Но их страдания на этом не закончились.

— Известны слова Сталина: у нас нет пленных, а есть предатели. Он отказался предоставлять им какую-либо помощь. Насколько это повлияло на уровень смертности наших пленных в германских лагерях (в сравнении с пленными других стран)?

— Дело не только в известной сталинской позиции. Например, ещё Ленин считал, что Гагская конвенция 1907 года «создаёт шкурническую психологию у солдат». В итоге примерно 15—20 тыс. красноармейцев, пленённых во время советско-польской войны 1920 года, умерли в польских лагерях, брошенные Совнаркомом на произвол судьбы. Сталин в 1925 году назвал работу Гагской конференции «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии». Интересно, что в 1927 году пленум ЦК ВКП(б) признал: «Нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм». Поэтому власть не была заинтересована в защите прав собственных военнопленных. Их массовая гибель в плену у врага уменьшила бы вероятность формирования русской антибольшевицкой армии на стороне противника. В итоге Советский Союз по решению Сталина отказался от присоединения к Женевской конвенции 1929 года «Об обращении с военнопленными» и де-юре отказался защищать права своих граждан в случае их пленения противником во время боевых действий. Признание СССР в 1931 году конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», равно как и известная советская нота от 17 июля 1941 года о присоединении к конвенции «Об обращении с военнопленными» де-факто, принципиально ситуации не изменили. Даже после перелома в войне и на ее исходе Советский Союз не слишком был озабочен судьбой собственных граждан в неприятельском плену.

Существует точка зрения, в соответствии с которой 82-я статья раздела VIII («О выполнении конвенции») якобы накладывала обязательство на стороны-участники соблюдать конвенцию 1929 года даже в том случае, если бы участие в войне приняло государство, дипломаты которого конвенцию не подписывали. Это ошибка, связанная с неправильным переводом текста 82-й статьи. И в этой

ситуации упомянутая статья обязывала стороны-участники соблюдать конвенцию только по отношению друг к другу.

Гитлер посчитал, что такое положение дел развязывает национал-социалистам руки и санкционирует произвол в отношении советских военнопленных. Их массовая гибель позволила бы «лишить Россию жизненной силы». 30 марта 1941 года, выступая перед своим генералитетом, фюрер откровенно заявил: в грядущей войне «красноармеец не будет товарищем». Воспользовавшись отказом правительства СССР от защиты прав своих граждан в плену, нацисты обрекли их на методичное вымирание от голода и болезней, на издевательства и репрессии. Уничтожению подлежали взятые в плен политработники и евреи. Правда, в конце 1941 года репрессивная политика нацистов в отношении взятых в плен политработников стала меняться. В свою очередь, в приказе № 270 от 16 августа 1941 г. Сталин, Жуков и другие члены Ставки предложили уничтожить плененных врагом бойцов и командиров Красной армии «всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи». 28 сентября 1941 года в специальной директиве № 4976 по войскам Ленинградского фронта Жуков потребовал расстреливать и семьи советских военнопленных. К счастью, вероятно, настоящая директива не была превращена в жизнь, и такие ужасные факты историкам неизвестны. А вот свидетельства о бомбардировках лагерей военнопленных собственной авиацией, особенно в 1941 году, существуют.

В 1941—1942 годах пленные содержались в нечеловеческих условиях, погибая сотнями тысяч, в первую очередь от голода и тифа. Зимой 1941—1942 года умерли около 2,2 млн. военнопленных. Трагедия этих людей, преданных своим правительством и павших жертвой нацистской политики, по масштабу не уступает Холокосту. Отдельные офицеры Вермахта (адмирал В. Канарис, граф Г. Д. фон Мольтке, майор граф К. фон Штауффенберг и др.) уже осенью 1941 года протестовали против творившегося кошмара, считая подобную практику несовместимой с кодексом чести и традициями старой германской армии. Некоторые коменданты, руководствуясь личными христианскими чувствами, пытались на своем частном уровне хоть как-то облегчить страдания несчастных. Но такие случаи были все-таки единичны. Кстати, массовая смертность была еще связана просто и с неготовностью Вермахта к приему миллионов военнопленных в первые месяцы войны. Никто не ожидал, что их окажется настолько много, а элементарные условия для их содержания и приема отсутствовали. Это был объективный фактор, влиявший на судьбу наших пленных. Но злая воля — принципиальная позиция Сталина и идеологические установки нацистов — здесь все-таки играли более значительную роль. Лишь с осени 1942 года положение стало

несколько улучшаться. В 1942 году нацисты заинтересовались пленными как рабочей силой, а с весны 1943 года началось развитие Власовского движения. В целом если смертность среди военнопленных армий западных союзников колебалась в пределах от 0,3% до 1,6%, то среди советских военнослужащих, как я уже сказал, она составила 60%.

— Сталин явно не был глуп. Почему же мы оказались абсолютно беззащитны перед Германией в первые месяцы войны? Катастрофа: наша авиация была уничтожена одним махом, в плен попали более 3 млн. граждан. Разве нельзя было это предвидеть? Не было зениток, ПВО, плана мобилизации, защиты границ? И разведка предупреждала. Неужели вся трагедия — от «безумного вождя», который слепо доверился Гитлеру? Тема затертая, и все же — как это могло случиться?

— Вы подняли вопрос, вокруг которого ожесточённая полемика идет уже десятилетия. Объективно это хорошо, так как дискуссия способствует открытию новых знаний. К сожалению, рамки нашей беседы вынуждают меня лишь ограничиться тезисами. Разумеется, это лишь мое видение ситуации, как исследователя.

Во-первых, мы совершенно не были беззащитны перед Германией в июне 1941 года — скорее, напротив, сил и средств, выделенных Гитлером для реализации плана «Барбаросса», оказалось явно недостаточно. Если Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии переоценивало возможные силы противника, то Абвер, наоборот, допустил огромный просчет в оценке советских сил и средств, сосредоточенных к началу кампании в западных военных округах. Так, например, немцы считали, что на Западе силы Красной армии к 11 июня насчитывали 7 танковых дивизий, в то время как их было 44. Всего силы Красной армии немцы определяли в 215 дивизий, в то время как в реальности их насчитывалось 303. В августе во время визита в штаб группы армий «Центр» в Борисов, Гитлер мрачно заявил: «Если бы я знал, что у Сталина столько танков, я никогда бы не напал на Советский Союз».

На 22 июня 1941 года соотношение сил между противником (включая союзников Германии) и войсками Красной армии на Западе (пять военных округов) выглядело так: по расчетным дивизиям — 166 и 190, по личному составу — 4,3 млн. и 3,3 млн. человек, по орудиям и минометам — 42,6 тыс. и 59,7 тыс. единиц, по танкам и штурмовым орудиям — 4,1 тыс. и 15,6 тыс. единиц, по самолетам — 4,8 тыс. и 10,7 тыс. единиц. Противник мог выделить для участия в боевых действиях лишь 2,1 тыс. летных экипажей, в то время как ВВС РККА на Западе имели более 7,2 тыс. экипажей. По количеству и качеству советские танки превосходили танки противника. Красная армия имела в стратегическом резерве 51 дивизию (в том числе 16 танковых и моторизо-

ванных), в то время как Вермахт и союзники — лишь 28 (в том числе всего 2 танковых и моторизованных). Как же мы были беззащитны?..

«Слепая доверчивость» или «безумие» Сталина — это миф хрущёвского времени. Сталин был настолько искусственным политиком, настолько совершенным «мастером власти» и политической интриги, что не доверял никому, в том числе и Гитлеру. Гитлер, скорее всего, на первом этапе советско-нацистской дружбы Сталину доверял, но не позднее лета 1940 года интуитивно начал чувствовать опасность, исходившую от кремлёвского «партнёра». А итоги визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года превратили это чувство в уверенность. К концу 1940 года Германия находилась в таком положении, что какой бы ход Гитлер ни сделал, всё равно его положение ухудшалось. Поэтому «Барбаросса» — шаг от отчаяния. Я думаю, что на самом деле Сталин накануне войны знал, что Красная армия по силам и средствам сильнее Вермахта. Поэтому он и вел себя так уверенно и безмятежно. Может быть, Сталин даже предполагал, что Гитлер его боится. Гитлер и боялся. Но кто бы мог предположить, что со своими опасениями по поводу намерений СССР фюрер решит покончить таким специфическим образом? Не забывайте также, что Германия продолжала вести безнадежную войну против Великобритании. 40% сил Люфтваффе были связаны на других театрах военных действий. Поставьте себя на место Сталина. Вы бы при описанных условиях могли бы поверить в то, что Гитлер решится ещё и на такую авантюру, как нападение на Советский Союз? Разведка докладывала, верно, но сколько в ее донесениях было невольной дезинформации? Гитлер, напав на СССР, с точки зрения Сталина сделал ход в тот момент совершенно нелогичный и непредсказуемый.

Причины нашей «беззащитности» лежат в другом — в пороках сталинской социальной системы, которая была выстроена на месте Российского государства после физического истребления большевиками исторических сословий традиционного русского общества и невиданного закрепощения крестьянства. В атмосфере всеобщего страха, лжи и лицемерия, в которой эта система существовала. Конечно, Вермахт имел определенное превосходство — в развертывании и сосредоточении войск на главных направлениях, в инициативе, в качестве подготовки солдат, офицерского корпуса и генералитета. Среди штаб-офицеров и генералов Вермахта очень многие имели важный опыт Первой мировой войны и службы в Рейхсвере, который в 1920-е годы был высокопрофессиональной армией. А сколько, например, командиров советских дивизий служили в старой русской армии? Имели русское военное академическое образование и воспитание, уровень кругозора и культуры? Признаемся честно: кого наши командиры опасались больше — вероятного противника или партийно-политических органов и органов НКВД? Среднестатистическим бойцом Крас-

ной армии к 22 июня 1941 года был колхозник... А кого мог воспитать нищий сталинский колхоз с его беспросветным принудительным трудом? Сегодня мы и не представляем себе реалии «счастливой колхозной жизни» в предвоенном СССР, когда один трудодень в среднем оплачивался из расчета один рубль, а при нечеловеческом напряжении сил за сутки колхозник редко выработывал около двух трудодней. При том годовой налог за избу составлял 20 руб., обязательная страховка (от пожара и т.д.) — 10 руб., за 0,5 га приусадебного хозяйства — 100 руб., за корову — 5 кг мяса или 30 руб., а также 100 литров молока или 15 руб.; за поросенка — 1 кг мяса или 5 руб., принудительная подписка на «добровольный» займ — 25–50 руб. и т.д. Потом такой колхозник шел служить в армию...

Во-вторых, наша авиация ни в коем случае не была «уничтожена одним махом», это еще один миф. На каждую пару немецких истребителей (преимущественно новых Bf-109) приходилось почти два новых (МиГ-3, Як-1) и шесть старых (И-16, И-153) истребителя советских моделей. Ударам подверглись лишь 66 из 470 аэродромов. Только 800 самолетов были повреждены или уничтожены на земле, еще 322 немцы сбили в воздушных боях, потеряв 114 машин. А вот что все-таки произошло с нашей авиацией в первые недели войны, вернее с ее экипажами? Эта тема еще ждет своих исследователей. По поводу систем ПВО замечу, что и у про-

тивника для участия в войне против СССР было выделено лишь 17% сил ПВО.

Летом-осенью 1941 года Красная армия потерпела сокрушительный разгром, потеряв за неполные пять месяцев около 18 тыс. самолетов, 25 тыс. танков, более 100 тыс. орудий и минометов. 2,2 млн. бойцов и командиров погибли и умерли, 1,2 млн. дезертировали, оставшись на оккупированной территории, 3,8 млн. попали в плен. Вермахт разгромил 248 советских дивизий, включая 61 танковую, враг овладел Киевом, блокировал Ленинград и вышел к Москве. Полагаю, что главные причины этой катастрофы заключаются не только во временном удержании немцами инициативы, оперативном превосходстве или более высоком профессионализме Вермахта, но и в нежелании значительной части бойцов и командиров Красной армии защищать колхозы и власть, основанную на страхе и принудительном труде. Вместе с тем, важную объективную роль в удержании фронта сыграли огромные пространства, мобилизационные возможности и людские ресурсы Советского Союза, а также помощь союзников. После начала войны в 1941 году в Красной армии были переформированы или сформированы заново более 500 (!) соединений, а Вермахт прошел длинное расстояние от Бреста до Ростова в неизменном состоянии, исчерпав к декабрю свои возможности.

Окончание следует.

А.Л. Кузьминых

Военнопленные Второй мировой войны в СССР: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

История военного плена в СССР — одно из динамично развивающихся направлений отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны. Из табуированной в советское время темы в эпоху постсоветской трансформации она превратилась в межпредметную область, изучение которой позволяет расширить наши знания не только по истории войны и военной повседневности, но и по новому взглянуть на историческую ситуацию, в которой оказался Советский Союз в военные и послевоенные годы. Целью настоящей статьи является рассмотрение процесса историографического осмысления истории советского военного плена, определение этапов, проблем и перспектив её изучения.

В изучении истории военного плена в СССР отчетливо выделяются два периода: *советский период (1950–1980-е гг.)* и *постсоветский период (1990–2000-е гг.)*. Каждый из них отличается спецификой источниковой базы, направленностью и методоло-

гией научных исследований. На протяжении этих этапов происходило развитие исторической мысли, расширялась источниковая база, но до начала 1990-х гг. неизменным оставался идеологический диктат в исторической науке, что вело к сужению и односторонности исследований. Только после крушения советской системы учёные получили возможность глубокой и всесторонней разработки проблемы. Тем не менее, история военного плена всегда находилась в сфере внимания исследователей.

Во второй половине 1950-х гг. изучение истории военнопленных Второй мировой войны становится одним из приоритетных направлений в западногерманской исторической науке. По инициативе Федерального министерства по делам изгнанных, беженцев и жертв войны под председательством мюнхенского профессора Г. Коха создаётся «Научная комиссия по документации судьбы немецких военнопленных Второй мировой войны». Её задача состояла в том, чтобы «запечатлеть судьбу 11–12 миллионов военнопленных не менее чем в 20 государствах», в том числе и в СССР. На пике исследовательской деятельности комиссии в её со-

А.Л. Кузьминых — доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук.

ставе работали 16 сотрудников, часть из которых была видными университетскими учёными. В основу исследования были положены 400 тыс. свидетельств возвратившихся на родину военнопленных, полученные сразу после их прибытия в ФРГ, и почти 50 тыс. сообщений, собранных дополнительно в виде письменных воспоминаний и интервью бывших солдат и офицеров вермахта. После смерти Г. Коха комиссию возглавил бывший узник советских лагерей, профессор Эрих Машке, по имени которого комиссия получила впоследствии свое неофициальное наименование — «комиссия Машке». Итогом ее работы стал выход в 1962—1974 гг. 22-томного труда «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны», общий объём которого составлял более 10 тыс. машинописных страниц.¹ Семь томов этого издания описывали жизнь немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза² В таблицах, графиках, схемах, содержащихся в приложениях, обобщались сведения о нормах питания, трудовом использовании лагерного контингента, уровне смертности, количестве репатрируемых на родину. В целом ряде случаев расчёты исследователей весьма точны, как, например, при определении количества и мест дислокации лагерей на территории СССР. Не вызывает возражений и вывод авторов о принципиальном различии в положении в годы войны советских и немецких военнопленных, последние из которых получали тот же набор продуктов, что и русское гражданское население. Однако узость источниковой базы, представленной воспоминаниями и дневниками бывших репатриантов, не позволила авторам многотомного труда добиться объективности научного анализа и избежать односторонности оценок. К числу таких можно отнести вывод о решающей роли немецких военнопленных в восстановлении народного хозяйства СССР.

Попытку создания комплексной истории немецких военнопленных Второй мировой войны предприняли западногерманские историки Пауль Карелл и Гюнтер Беддекер.³ Взяв за основу метод сравнительного анализа, авторы изучили положение бывших немецких солдат в американском, английском, французском, австралийском, югославском и советском плену. Выводы авторов сводились к следующему: немецкие солдаты и офицеры, пребывавшие в плену в странах Запада, жили в лучших условиях, чем их соотечественники в Югославии и Советском Союзе. Положение военнопленных было наиболее тягостным в СССР, где пленные находились под постоянной угрозой смерти. В качестве доказательств авторы ссылались на заявления вернувшихся из плена о «голодном психозе», «невыносимых условиях работы», «массовом доносительстве», «повальной смертности» в советских лагерях.

В начале 1980-х гг., на очередном витке «холодной войны», на Западе выходит целый ряд публикаций, обвинявших СССР в нарушении законов

и обычаев войны, в том числе режима военного плена. Так, немецкий историк М. Ланг недвусмысленно указал на использование сталинским руководством практики заложничества.⁴ Американские учёные А. М. де Цаяз и А. Смит обвинили СССР в массовом уничтожении немецких военнопленных⁵ и в преднамеренном затягивании процесса репатриации.⁶ О позиции западных учёных красноречиво свидетельствует само название книг «Жизнь и страдания германского солдата за колючей проволокой», «Сталинская юстиция против немецких солдат», «Пропавший миллион».⁷

Большой международный резонанс произвели вышедшие на Западе книги польских историков Я. К. Заводного и Л. Ежевского, посвящённые истории катынской драмы.⁸ Используя воспоминания оставшихся в живых пленных, бывших узников Старобельского, Козельского и Грязовецкого лагерей НКВД — Б. Млынарского, С. Свяневича, Ю. Чапского, З. Пешковского, а также польские, немецкие, британские и американские документы, авторы возлагали вину за содеянное на органы НКВД.

В середине 1980-х гг. в ФРГ все большее признание получают работы учёных, исследующих историю военной повседневности. Новый подход воплотился в монографии профессора из Гамбурга А. Леманна, в которой сделана попытка охватить весь круг проблем, связанных с пребыванием немецких военнопленных в СССР. Автор смело проводит исторические параллели, цитирует классиков мировой литературы, углубляется в психологический анализ. Наибольший интерес вызывает глава, посвящённая так называемой «лагерной культуре». Здесь показаны трудная адаптация бывших солдат вермахта к лагерной действительности, социальное расслоение лагерного общества, духовная атмосфера за колючей проволокой.⁹

В отличие от стран Запада, в бывшем СССР изучение проблемы военного плена было негласно запрещено. В справочных изданиях, посвящённых Великой Отечественной войне, в лучшем случае приводились данные о количестве солдат и офицеров противника, пленённых в ходе той или иной операции. Все остальные подробности жизни немецких солдат в плену, как-то: лагерный быт, трудовое использование военнопленных, репатриация на родину — старательно замалчивались. Официальное признание получила лишь тема антифашистского движения, создания и деятельности Национального комитета «Свободная Германия».

Целям и задачам антифашистского движения, участию пленных в работе по разложению войск противника посвятили свои диссертации, монографии, статьи А. С. Бланк, Д. К. Зебров, Л. И. Гинцберг, Н. Г. Погребной, К. Л. Селезнёв, А. М. Шевченко, Н. И. Шишов.¹⁰ Советские историки считали создание НКСГ исключительной инициативой немецких патриотов, в первую очередь германских

коммунистов-политэмигрантов. Роль последних в политическом перевоспитании военнопленных, как правило, преувеличивалась, в целом, как и вклад движения «Свободная Германия» в борьбу с фашизмом. Результаты исследований советских историков деятельности НКВД и СНО были обобщены в кандидатской диссертации Г. В. Ежовой.¹¹

Помимо проблемы антифашистского движения, в рассматриваемый период изучался, к сожалению, весьма поверхностно, вопрос о медицинском обеспечении немецких военнопленных. Советские исследователи трактовали практику медицинского обслуживания иностранных военнопленных в годы войны как акт глубочайшего милосердия медицинских работников в отношении поверженного врага. Следуя официальной установке, авторы доказывали, что военнопленные обслуживались на равных основаниях с военнослужащими Красной Армии, что им оказывались все виды квалифицированной медицинской помощи. Такой характер носят публикации А. Н. Григорьева¹², Р. А. Марасанова, А. Н. Мельничук¹³, М. Ф. Войтенко и Г. А. Грибовской.¹⁴

Полковник медицинской службы И. И. Биспен, проанализировав организацию медицинского обслуживания военнопленных в ходе Висло-Одерской наступательной операции, пришёл к выводу, что «система мероприятий Советского государства по обслуживанию военнопленных обеспечивала выполнение международных обязательств».¹⁵ Тенденциозность в отборе материала предопределила то обстоятельство, что вне поля зрения исследователей остались данные о массовой заболеваемости и смертности военнопленных в 1943–1945 гг. и 1946–1947 гг., неудовлетворительном санитарном состоянии спецгоспиталей, факты халатного обращения с больными.

Вопросу судебной ответственности немецких военных преступников уделено внимание Н. С. Алексеев, Ш. Датнер, Н. М. Минасян и ряд других юристов.¹⁶ Полковник юстиции С. Мирецкий опубликовал статью по материалам судебного процесса над генерал-фельдмаршалами вермахта Эвальдом фон Клейстом и Фердинандом Шернером.¹⁷ Автор, не затрудняя себя анализом документальной базы, полностью разделяет точку зрения советского обвинения.

Наиболее активно в рамках советской историографической традиции развивалось такое специфическое направление как «критика реакционной западной историографии». В статьях и работах Л. Безыменского, Г. Иваницкого, А. Мерцалова, М. Моница, О. Ржешевского давался критический анализ трудов западных ученых в области военного плена.¹⁸ Подавляющая часть из них расценивалась как «идеологическая диверсия антисоветских кругов», цель которой заключается в активизации рваншистских настроений и реабилитации фашизма. Свои обвинения в адрес «фальсификаторов истории» советские рецензенты подытоживали напоми-

нием западным коллегам о зверствах и издевательствах фашистов над советскими военнопленными. В итоге советскими историками был сформирован образ СССР как гаранта прав военнопленных, противопоставленный империалистическим государствам — нарушителям международных конвенций.

Постсоветский период историографии (с 1990 года до настоящего времени) стал настоящим «прорывом» в изучении истории военного плена Второй мировой войны. Точкой отсчета явились глобальные перемены в СССР, инициированные политикой перестройки и гласности. Изучение войны и военного плена смещается в русло плюралистического подхода, происходит сближение оценок отечественной и зарубежной историографии. Исследователи получают возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, публиковать совместные труды, обмениваться научными идеями на конференциях и симпозиумах.

На волне пересмотра советско-польских отношений 13 апреля 1990 г. появилось сообщение ТАСС, объявившее гибель польских офицеров преступлением сталинизма. Вслед за книгами и статьями о трагедии в Катыни, авторами которых были В. К. Абарин, Ю. Н. Зоря, Н. С. Лебедева, Ч. Мадайтчик, В. С. Парсаданова, А. С. Прокопенко¹⁹, выходит ряд публикаций, освещающих судьбы польских военнопленных, избежавших расстрельной акции.²⁰ Серию научных статей, раскрывающих различные аспекты пребывания иностранных военнопленных в СССР, подготовил В. П. Галицкий.²¹ Одновременно в печати появились статьи о пребывании в лагерях Советского Союза австрийских²², американских²³, английских²⁴, бельгийских²⁵, венгерских²⁶, испанских²⁷, итальянских²⁸, финских²⁹, французских³⁰ и японских солдат.³¹

Итогом «архивной революции» стало появление монографий по истории военного плена и интернирования в СССР. Различные стороны пребывания военнопленных бывшей германской, финской и японской армий раскрывались в книгах О. Д. Базарова³², Е. Ю. Бондаренко³³, В. П. Галицкого³⁴, В. Б. Конасова³⁵, М. А. Кузьминой³⁶, С. И. Кузнецова.³⁷

В 1990–2000-е гг. в историографии военного плена на бывшем постсоветском пространстве складывается ряд направлений: *политическое, юридическое, экономическое, биографическое и региональное.*

Политическое направление представлено работами, освещающими международный и дипломатический аспект истории военного плена. К числу таких работ можно отнести работы А. Ф. Бичеховста³⁸, В. Б. Конасова³⁹, Е. Л. Катасоновой⁴⁰, Г. К. Кокебаевой⁴¹. В данных работах проблема плена рассматривается как важный фактор международной и внутренней политики СССР. Особое внимание уделяется рассмотрению дипломатических отношений Советского Союза с другими государствами

и международными организациями (Международный комитет Красного Креста) по вопросам военного плена.

Наиболее показательной в этом отношении является книга В. Б. Конасова «Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы».⁴² В данной работе впервые в отечественной историографии детально воссоздавалась история дипломатического регулирования проблемы военного плена в годы Великой Отечественной войны, анализировались правовые аспекты пребывания немецких военнопленных в советских лагерях, раскрывался процесс репатриации бывших солдат и офицеров вермахта из Советского Союза, освещались судьбы ряда представителей высшего немецкого военного командования.

Близко к политическому направлению приближает *юридическое направление*. Этот круг работ посвящен исследованию вопроса регулирования правового статуса военнопленных, а также проблеме привлечения военнопленных к судебной ответственности. Как правило, авторы этих работ (А. Е. Епифанов, Н. В. Колошинская, А. С. Смыкалин, Т. А. Щелокаева) являются профессиональными юристами и используют методы, свойственные историко-правовым исследованиям.⁴³

Одна часть ученых (В. П. Галицкий, М. И. Семиряга, Т. А. Щелокаева) считает, что все вражеские солдаты, захваченные Красной Армией, имели статус военнопленных и пользовались преимуществами режима военного плена, предусмотренными международными конвенциями.⁴⁴ По их мнению, СССР, не подписав Женевскую конвенцию 1929 г., реализовал ее важнейшие принципы во внутреннем законодательстве. Другая часть исследователей (Н. А. Морозов, Н. В. Петров и др.) полагает, что для сталинского руководства не было существенной разницы между советскими гражданами и иностранцами, поэтому немцы и их союзники, попавшие в русский плен, фактически являлись заключенными лагерей НКВД.⁴⁵

Предметом исследования *экономического направления* является труд военнопленных как фактор развития и восстановления советской экономики в военный и послевоенный период. Исследуются проблемы организации труда военнопленных, его рентабельность, роль военнопленных в развитии отдельных отраслей народного хозяйства. Наиболее показательными в этом отношении являются работы Н. В. Барановой, Р. С. Бикметова, С. Г. Сидорова, М. Колерова.⁴⁶

В. П. Галицкий выделяет три периода, характеризующие участие пленных в восстановительных работах.⁴⁷ В 1941—1942 гг. принудительный труд обезоруженных солдат вражеских армий по причине их небольшого количества не применяется в народном хозяйстве. Период 1943—1949 гг. явился временем массового привлечения пленных к труду.

Наконец, в период с 1950 по 1955 гг. в восстановительных работах участвуют несколько тысяч осужденных германских подданных.⁴⁸ По мнению учёного, привлечение пленных к труду несколько не противоречило международному праву. Наоборот, работа помогала им выжить в экстремальных условиях.⁴⁹

В отличие от В. П. Галицкого, И. В. Безбородова полагает, что лагеря военнопленных являлись «дотационным объектом в системе НКВД», а доход от использования труда военнопленных ни разу не достиг уровня фактических расходов на их содержание.⁵⁰ К такому же выводу пришел П. М. Полян, изучивший экономико-географический аспект принудительных миграций в СССР.⁵¹ Исследователь считает, что если на труде депортированных, интернированных и военнопленных базировалась чья-то экономическая выгода, то не государства, а органа, планировавшего и осуществлявшего эти репрессии — наркомата внутренних дел.⁵² Пространственная обширность Советского Союза, со своей стороны, являлась фактором, существенно усугублявшим неэффективность принудительного труда.

На всестороннее изучение проблемы использования труда военнопленных в народном хозяйстве СССР претендует диссертация С. Г. Сидорова «Труд военнопленных в СССР. 1939—1956 гг.»⁵³ По мнению историка, общие результаты производственной деятельности лагерей имели положительный баланс. Другими словами — труд бывших вражеских солдат окупал расходы Советского государства на их содержание.

Биографическое направление ориентировано на изучение судеб военнопленных. Биографиям фельдмаршала Фридриха Паулюса, генерала Вальтера Зайдлица, последнего императора маньчжурской династии Пу И, истории их жизни в плену посвятили свои книги и статьи Б. Л. Хавкин, С. В. Карасев, В. В. Марковчин и Л. Е. Решин.⁵⁴ Наконец, сюда же можно отнести биографическую книгу-справочник И. В. Безбородовой «Генералы вермахта в советском плену»⁵⁵

Динамично развивающимся в последние годы стало *региональное направление*. Его задача — воссоздание истории плена в ее региональном измерении. Большинство такого рода работ отличает комплексный, междисциплинарный подход и опора на материалы местных архивов. Содержание исследований достаточно типично — анализ развития региональных лагерных структур и учреждений, освещение участия военнопленных в развитии народного хозяйства отдельных республик, краев и областей, анализ условий содержания пленных в соответствии с местными климатическими и географическими условиями.⁵⁶

К работам регионального уровня можно отнести публикации, посвященные истории отдельных лагерей.⁵⁷ Наиболее показательной в этом отношении является книга В. А. Всеволодова «Срок хранения

ния — постоянно!». Сопровожденная уникальным иллюстративным материалом, она детально раскрывает различные стороны жизни пленных и сотрудников Красногорского лагеря НКВД–МВД № 27.⁵⁸

В региональных исследованиях значительное внимание уделяется поисковой работе, состоящей в определении имён умерших военнопленных, установлении мест их погребения. Эта деятельность получила отражение в публикациях С. С. Букина, М. Е. Ерина, В. П. Мотревича, а также автора настоящей статьи.⁵⁹

Зарубежная историография. Возможность работы в российских архивах способствовала активизации научного поиска зарубежных ученых. Настоящим прорывом в изучении истории военного плена стал выход в 1995 г. монографии австрийского историка, директора Института по изучению последствий войны имени Людвига Больцмана (г. Грац) Стефана Карнера «Архипелаг ГУПВИ: Военный плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956». Основанная на обширном корпусе рассекреченных документов бывшего Особого архива (ныне — Российский государственный военный архив), данная книга впервые в зарубежной историографии раскрывала историю «архипелага ГУПВИ». По подсчетам С. Карнера, в систему ГУПВИ входило около 4 тыс. лагерей, лаготделений, госпиталей, лагпунктов. В книге давалась характеристика социального и национального состава контингента системы ГУПВИ, раскрывались особенности жизни в лагерях, работы по восстановлению народного хозяйства СССР, процесс судебного преследования и репатриации военнопленных и интернированных.⁶⁰

В 2000 г. свои научные изыскания, посвящённые пребыванию военнопленных вермахта в СССР, обобщил в монографическом труде немецкий историк Андреас Хильгер.⁶¹ Последний справедливо замечает, что СССР не преследовал такую цель, как физическое уничтожение пленных. Негативных факторов, усугублявших существование пленных за колючей проволокой, по мнению автора, было два. Первый заключался в том, что разрушенная страна не могла себе позволить разместить пленных в комфортных условиях, обеспечить им регулярное, полноценное питание, поскольку её собственные граждане нередко сами жили в землянках, влача полуголодное существование. Второй фактор выражался в том, что директивы НКВД–МВД в реальной обстановке становились пустой формальностью. Руководство лагеря зачастую само устанавливало нормы питания, режимные требования и прочие атрибуты жизни своих подопечных, что нередко усугубляло положение в лагерях.

Существенный вклад в изучение проблемы военного плена в СССР внес финский историк Дмитрий Фролов. В своей монографии «Советско-финский плен 1939–1944 гг.» он на основе историко-сравнительного подхода исследует проблему регулирования правового статуса военнопленных в СССР и Фин-

ляндии, особенности содержания, медицинского обслуживания, трудового использования, идеологической обработки и репатриации советских и финских военнопленных. Говоря о положении финских военнопленных в лагерях НКВД, автор указывает, что УПВИ НКВД СССР являлось главным органом, ответственным за содержание военнопленных, и прилагало максимум усилий для улучшения их физического состояния и предотвращения роста заболеваемости и смертности.⁶² Тем не менее, реальное положение пленных разительно расходилось с требованиями директив и инструкций УПВИ.

Традиционным направлением западной историографии остаётся изучение социально-психологических аспектов лагерной повседневности на основе анализа мемуаров и материалов «устной истории». Наиболее показательным в этом отношении является диссертационное исследование швейцарского историка Рихарда Дэлера «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1945–1956 гг. Сравнение воспоминаний о пережитом».⁶³ Автором исследованы процесс приспособления пленных к лагерной действительности, особенности межнациональных отношений в лагерном социуме, процесс адаптации военнопленных к новым условиям жизни после возвращения на родину.

В целом анализ зарубежной историографии позволяет говорить о том, что западные учёные продолжают работать в русле социальной истории. Преимущественное внимание уделяется изучению поведенческих и психологических реакций в условиях плена, раскрытию особенностей существования лагерного социума, процессу ресоциализации репатриантов после возвращения на родину.

Сравнительный анализ содержания работ российских и зарубежных, в первую очередь, немецких историков позволяет выявить еще одно важное отличие. Если российские историки абсолютизируют официальные отчётно-статистические документы НКВД–МВД, то их немецкие коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожностью, отдавая предпочтение материалам «устной истории» и мемуаристике. Это во многом предопределяет разную тональность исследований, различия в принципиальных выводах и обобщениях. Для немцев плен воспринимается как национальная трагедия, для российских ученых — «как справедливое возмездие» за причиненные нашей стране страдания и разрушения.

В отечественной и зарубежной историографии советского военного плена продолжает оставаться ряд дискуссионных вопросов. Среди исследователей существуют диаметрально противоположные взгляды на статистические аспекты плена, в первую очередь численность военнопленных в лагерях НКВД–МВД СССР, их правовой статус, организацию продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания, проблему смертности, эффективность лагерного труда.

Знакомство с содержанием опубликованных работ показывает, что исследователи сегодня в большей степени поглощены выявлением и изданием документального материала, в гораздо меньшей степени — его анализом и обобщением.⁶⁴ Учитывая то обстоятельство, что на сегодняшний день историками и архивистами выявлена и опубликована значительная часть архивного фонда по истории военнопленных в СССР, главной задачей является подготовка глубоких аналитических исследований, опирающихся на уникальные документальные материалы.

- ¹ Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (Bd. 1—22). — München, 1962—1974.
- ² Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1—3). — München, 1965; Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3. — München, 1965; Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 7. — München, 1966; Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 1. — München, 1967; Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 6. — München, 1969; Ratzka W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4. — München, 1973; Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa//Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 8. — München, 1974.
- ³ Carrell P., Böddeker G. Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht. — Frankfurt — Berlin — Wien, 1980. В 2004 г. данная книга была издана на русском языке. См.: Карель П., Бедкер Г. Немецкие военнопленные Второй мировой войны. 1939—1945 гг. М.: Изд-во Эксмо, 2004.
- ⁴ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. — Herford, 1981.
- ⁵ Zayas A. Die Wehrmacht — Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. — München, 1980. S. 277.
- ⁶ Smith A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. — Stuttgart, 1985.
- ⁷ Smith A. Die «vermibte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangenen nach dem Zweiten Weltkrieg. — München, 1991.
- ⁸ Zawodny J. K. Death in the forest: the story of the Katyn forest massacre. — Notre Dame, 1962; Jezewski L. Dzieje sprawy Katynia. — W-wa, 1980. В 1990 году книга была переведена на русский язык. См.: Ежовский Л. Катень. 1940. — Варшава: Глос, 1990.
- ⁹ Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986. S. 38—57.
- ¹⁰ Бланк А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945. — Вологда: Кн. изд-во, 1963; Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939—1945). — М.: Наука, 1987; Зебров Д. К. Пропаганда немецких антифашистов среди солдат и офицеров вермахта на советско-германском фронте в 1941—1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1972;

Погребной Н. Г. Деятельность немецких антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1964; Погребной Н. Г. Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны//Украинский исторический журнал. — 1964. — № 2. — С. 64—69; Селезнев К. Л. Геноссе политрук Артур Пик//Новая и новейшая история. — 1985. — № 2. — С. 113—126; Шевченко А. М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии//Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1974. — С. 402—410; Шишов Н. И. В борьбе с фашизмом (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран. 1941—1945 гг.). — М., 1984.

- ¹¹ Ежова Г. В. Национальный комитет «Свободная Германия»: Некоторые проблемы источниковедения и историографии: Дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1987.
- ¹² Григорьев А. Н. Медицинская служба в Сталинградской битве//Военно-медицинский журнал. — 1968. — № 1. — С. 19—24.
- ¹³ Марасанов Р. А., Мельничук А. Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны//Военно-медицинский журнал. — 1981. — № 5. — С. 19—22.
- ¹⁴ Войтенко М. Ф., Грибовская Г. А. Гуманизм советской военной медицины//Военно-медицинский журнал. — 1985. — № 5. — С. 67—73.
- ¹⁵ Биспен И. И. Организация лечебно-эвакуационного обеспечения раненых и больных военнопленных//Труды Военно-медицинского музея. Т. 5: Медицинское обеспечение Висло-Одерской наступательной операции 1945 г. — Л.: Издательство Военно-медицинского музея МО СССР, 1956. С. 161.
- ¹⁶ Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. — М.: Юридическая литература, 1986; Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. — М.: Международные отношения, 1968; Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне/Пер. с польского. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963; Миннасян Н. М. Международные преступления Третьего рейха. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977.
- ¹⁷ Мирецкий С. Преступники в фельдмаршальских мундирах//Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Воениздат, 1973. — С. 253—270.
- ¹⁸ Безыменский Л. А. История одной «Истории»//Новое время. — 1976. — № 5. — С. 12—13; Иваницкий Г. М. К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне//Информационный бюллетень. — М.: Институт военной истории МО СССР. — 1977. — № 18. — С. 34—35; Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. — М.: Наука, 1989. — С. 30; Монин М. К истории «Катынского дела»//Военно-исторический журнал. — 1982. — № 2. — С. 67—73; Ржешевский О. А., Иваницкий Г. М. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР//Военно-исторический журнал. — 1978. — № 10. — С. 76—82.
- ¹⁹ См.: Абарин В. К. Катеньский лабиринт. — М.: Новости, 1991; Катеньская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. — М.: Политиздат, 1991; Лебедева Н. С. Катень: преступление против человечества. — М.: Прогресс, 1994; Лебедева Н. С. О трагедии в Катени//Международная жизнь. — 1990. — № 5. — С. 112—130; Лебедева Н. С. Четвертый раздел Польши и катеньская трагедия//Другая война: 1939—1945/Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — М.: РГГУ, 1996. — С. 237—295; Мадаичик Ч. Катень//Там же. — С. 225—236; Нюрнбергский бумеранг/Публ. подгот. А. С. Прокопенко, Ю. Н. Зоря//Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 47—59.
- ²⁰ Лебедева Н. С. Катеньские голоса//Новый мир. — 1991. — № 2. — С. 208—222; Райский Н. С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных//Отечественная история. — 1995. — № 4. — С. 136—144.
- ²¹ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.)//Военно-исторический журнал. — 1990. — № 9. —

- С. 39–46; Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства//Советское государство и право. — 1990. — № 4. — С. 121–130; Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена//Социологические исследования. — 1991. — № 10. — С. 48–63.
- 22 Крупенников А. А. К вопросу об австрийских военнопленных в СССР//Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М., 1999. — С. 76–82.
- 23 Галицкий В. П. А действительно, куда, исчезли 20000 американцев//Военно-исторический журнал. — 1991. — № 8. — С. 80–82.
- 24 Елин Л. Англичане в Бутырке//Новое время. — 1992. — № 3. — С. 30–33.
- 25 Намазова А. С. Судьба военнопленных бельгийцев в России//Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва/Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года. — Красногорск, 1996. — С. 76–78.
- 26 Галицкий В. П. Венгерские военнопленные в СССР//Военно-исторический журнал. — 1991. — № 10. — С. 44–55; Фомин В. И. Плач матери с Бюккских гор (венгерские военнопленные в советских лагерях)//Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М., 1999. — С. 83–94.
- 27 Рыбалкин Ю. Е. Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР//Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. — С. 247–251.
- 28 Документы о судьбе итальянских военнопленных из архива Коминтерна/Публ. подгот. И. Д. Мительман, Е. А. Пархоменко//Отечественные архивы. — 1992. — № 3. — С. 90–96.
- 29 Веригин С. Г. Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней войны 1939–1940 гг. //Новый Часовой. — 1999. — № 8–9. — С. 85–91; Куманев Г. А. Положение советских и финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. //Проблемы истории Второй мировой войны: Сборник научных работ. — Вологда, 2000. — С. 32–45; Носырева Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...»//Родина. — 1995. — № 12. — С. 99–106.
- 30 Лебедева Н. С. Французские военные в лагерях НКВД. 1940–1941 гг. (По материалам ранее закрытых советских архивов)//Россия и Франция: XVII — XX века. — М.: Наука, 1995. — С. 277–299.
- 31 Бондаренко Е. Ю. «Жестокый русский плен»//Проблемы Дальнего Востока. — 1989. — № 3. — С. 204–206; Бондаренко Е. Ю. Долгое возвращение из плена (К истории репатриации японских военнопленных из СССР)//Проблемы Дальнего Востока. — 1994. — № 4. — С. 102–107; Бондаренко Е. Ю. Судьбы пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948–1949 гг.)//Россия и АТР. — 1993. — № 1. — С. 117–123; Всеволодов В. А. Японские военнопленные в СССР. Общее и особенное//Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена». — М., 1999. — С. 95–115; Галицкий В. П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР//Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 6. — С. 115–123; Галицкий В. П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы//Военно-исторический журнал. — 1991. — № 4. — С. 66–78; Галицкий В. П. Японские женщины в лагерях для военнопленных (неизвестные страницы советско-японской войны в августе 1945 года)//Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. С. 91.
- 25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. — С. 256–262; Последние пленники Второй мировой войны: Документы из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных/Публ. подгот. А. М. Петров//Исторический архив. — 1993. — № 1. — С. 68–78.
- 32 Базаров О. Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). — Улан-Удэ: Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 1997.
- 33 Бондаренко Е. Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. — Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета, 1997.
- 34 Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). — М.: Грааль, 1997.
- 35 Коначов В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. — Вологда, 1991.
- 36 Кузьмина М. А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. — Комсомольск-на-Амуре, 1996.
- 37 Кузнецов С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. — Иркутск, 1994; он же. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. — Иркутск, 1994.
- 38 Бичехов А. Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутриполитические и международные аспекты (1944–1953 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. — Саратов, 1996.
- 39 Коначова В. Б. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
- 40 Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. — М., 2003; Она же. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. — М., 2005.
- 41 Кокебаева Г. К. Официальная политика Германии и СССР по проблеме военнопленных (1918–1955 гг.): Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. — Алматы, 2007.
- 42 Коначов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. — Вологда, 1996.
- 43 Елифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001; Он же. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг.: Монография. — Волгоград, 2007; Колошинская Н. В. Обеспечение правового режима содержания немецких военнопленных на территории Ленинграда и Ленинградской области во второй половине 1940-х гг. (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2002; Смыкалин А. С. Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942–1956 гг.: По материалам Свердловской области//Правоведение. 2001. № 1. С. 209–216; Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2000.
- 44 Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства//Советское государство и право. — 1990. — № 4. — С. 126; Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. — М., 1991. С. 130; Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2000.
- 45 Морозов Н. А. Особые лагеря МВД в Коми АССР (1948–1954 гг.). — Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. С. 108; Петров Н. В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. //Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. С. 91.
- 46 Баранова Н. В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941–1949 гг.): Дис. канд. ист. наук. — Ярославль, 1997.

- лавль, 1998; Бикметов Р.С. Трудоемкое использование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г. — август 1945 г.)//Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии (Кемерово, 19–22 сентября 2000 г.). — Кемерово, 2000. — С. 34–35; Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946–1950 гг.)//Родина. 1997. № 9. С. 79–83; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. — Волгоград, 2001.
- ⁴⁷ Галицкий В.П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства в СССР//Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков. — М.: Памятники исторической мысли, 1997. — С. 63–69.
- ⁴⁸ Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). — М.: Издательский дом «Грааль», 1997. С. 92.
- ⁴⁹ Там же. С. 90–91.
- ⁵⁰ Безбородова И.В. Организация трудоустройства военнопленных и интернированных в лагерях НКВД–МВД СССР в годы Второй мировой войны//Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. С. 51.
- ⁵¹ Полян П.М. География принудительных миграций в СССР: Дис. ... д-ра географ. наук. — М, 1998.
- ⁵² Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М.: ОГИ — Мемориал, 2001. С. 244.
- ⁵³ Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. — Волгоград, 2001.
- ⁵⁴ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. — М, 1990; Карасев С.В. Император Пу И в советском плену//Вопросы истории. 2007. № 6. С. 120–126; Марковчин В.В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. — М., 2000; Reschin L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955. — Berlin, 1995.
- ⁵⁵ Безбородова И.В. Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. — М.: РГГУ, 1998.
- ⁵⁶ Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). — Владивосток, 2002; Жангуттин Б.О. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 гг.)//Отечественная история. 2008. № 2. С. 107–114; Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 2002; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). — Вологда, 2002; Кузьминых А.Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). — Вологда, 2005; Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Красноярск, 2001; Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С. Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: Документы и материалы. — Кемерово, 2002; Михеева Л.В. Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 — начало 50-х гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Караганда, 2007; Потильчак О.В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). — К.: Видавництво Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова, 2004; Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). — Екатеринбург, 2006; Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. — Оренбург, 2002; Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: Военноплен-ные и интернированные на территории Белоруссии: 1944–1951 гг. — Минск: Тесей, 2003.
- ⁵⁷ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. — Вологда, 2008; Чухин И.И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. — М.—Петрозаводск, 1995.
- ⁵⁸ Всеволодов В.А. «Срок хранения — постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД–МВД СССР № 27. — М., 2003;
- ⁵⁹ Букин С.С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. — Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000; Ерин М.Е. О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области//Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1. — Вологда, 1997. — С. 144–149; Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 2: Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. — Вологда, 2009; Мотревич В.П. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области//Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1. — Вологда, 1997. — С. 149–154.
- ⁶⁰ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1945. — Wien — München: Oldenburg Verlag, 1995; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956/Пер. с нем. О. Асписовой. — М.: РГГУ, 2002.
- ⁶¹ Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. — Essen, 2000. Работа ученого написана на основе диссертационного исследования. См.: Hilger A. “Arbeit ist die einzige Existenzquelle!” Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik und Gefangenenmentalität. (Phil. Diss.) — Universität Köln, 1998/1999.
- ⁶² Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. — Хельсинки, Финляндия; СПб.: Алетейя, 2009. С. 484–486.
- ⁶³ Richard Dähler. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. 1945–1956. Verleich von Erlebnisberichten. Zürich, 2007.
- ⁶⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР/Под ред. В.А. Золотарева. — Т. 24 (13–1). Нормативные документы. — М.: ТЕРРА, 1996; Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. /Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–2). Кн. 1. — М.: ТЕРРА, 1999; Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. /Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–3). Кн. 2. — М.: ТЕРРА, 2002; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы/Под ред. М.М. Загорюлько. — М.: Логос, 2000; Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: Документы и материалы./Под ред. М.М. Загорюлько. Т. 2. Волгоград, 2003; Военнопленные о Сталинграде и о себе. 1946–1949. Документы и материалы./Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2006; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4./Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2004; Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД. 1941–1951: отчетно-информационные документы. Т. 5. Кн. 1/Под ред. М.М. Загорюлько. — Волгоград, 2005; Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД. 1941–1951: отчетно-информационные документы. Т. 5. Кн. 2/Под ред. М.М. Загорюлько. — Волгоград, 2006; Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь

на родину из СССР (1940–1950 гг.): Документы, факты, комментарии/Сост. Н. Ф. Бугай; Автор комментариев В. Б. Конасов. — М.: Готика, 2001; Катюнь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы/Под ред. Р. Пи-

хои, А. Гейштора. — М.: Демократия, 1999; Катюнь. Март 1940 — сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катюни. Документы/Отв. сост. Н. С. Лебедева. — М.: Весь мир, 2001.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

Уцелевшие

Всвязи с прошлогодним юбилеем — двадцатилетием фотовыставки «Август 14-го», открывшейся в августе 1989 г. на Петровских линиях в Москве, хотелось бы рассказать о судьбах нескольких русских офицеров, участников той войны, которые оказались на территории советской России и должны были адаптироваться к новым условиям. Сама по себе проблема адаптации в переломные моменты представляет несомненный познавательный и научный интерес, в первую очередь для историков и социологов. Тем более, что бывшие офицеры в условиях советской действительности на протяжении многих лет рассматривались как один из самых ненавистных символов исторической России. Даже внешняя лояльность бывших вообще, а уж офицеров в особенности большевикам казалась подозрительной, а самим бывшим советская действительность не давала никаких гарантий от очередной репрессивной кампании. Достаточно сказать, что в начале 1930-х гг. в СССР в рамках чекистского дела «Весна» и смежных с ним дел были проведены массовые аресты бывших офицеров и членов их семей. Это были последние «офицерские наборы» в СССР. Арестовывали тогда и военспецов, служивших на данный момент в РККА, запасников, тех, кто в начале 1920-х гг. был уволен из РККА в запас, и тех, кто оставил воинскую службу в пору массовой демобилизации 1917/1918 гг., уклонившихся от участия в Гражданской войне, а в последующие годы не имевших никакого отношения к военной службе.

Все эти категории бывших офицеров Русской армии сторонникам советской государственности казались потенциально опасными. Аресты, но уже по другим делам, бывших офицеров имели место в последующие годы — в связи с убийством Кирова в С.-Петербурге (Ленинграде) и в годы сталинского «большого террора». Рецидивы имели место и в годы Советско-германской войны 1941–1945 гг. Причем здесь следует специально оговориться, что речь идет о гражданах СССР, а не о белых эмигрантах.

Итак, я попытаюсь изложить судьбы трёх бывших офицеров, в чём-то разные и в чём-то схожие.

Кудряшов (Кудряшёв) Сергей Александрович (1892–1949)

Родился в Москве в апреле 1892 г. в семье разночинца Александра Герасимовича Кудряшова (? —

1895), женатого на Вицинской Наталии Ипполитовне (1855–1917), из потомственных дворян Тульской и Воронежской губерний.

Сергей Кудряшов окончил 1-ю Московскую гимназию в 1912 г. В 1912–1913 гг. отбыл воинскую повинность здесь же, в Москве. Он поступил на службу на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в учебную команду 7-го гренадёрского Самогитского генерал-адъютанта графа Э.И. Тотлебена полка. Полк размещался в центре Москвы, в Покровских казармах, рядом с Покровскими воротами. Комплекс казарм, напоминающий букву «П», высится по левую руку, если идти от Покровских ворот в сторону Яузы. Плац был прямо на бульваре, а на лыжную подготовку или на кросс чины полка отправлялись в Сокольники.

Вольноопределяющийся Сергей Кудряшов служил усердно, о чём свидетельствовали его производство в чин младшего унтер-офицера и награждение медалью «В память 300-летия Царствования Дома Романовых». По окончании учебной команды он успешно выдержал испытания на чин прапорщика армейской пехоты запаса.

По отбытии воинской повинности Сергей Кудряшов поступил в Сельскохозяйственный институт. У его бабушки Анны Андреевны Долининой-Иванской, в замужестве Вицинской было имение в Тульской губернии. Именьями владели и её многочисленные родственники, там же, в Тульской губернии. Специалист в области сельского хозяйства в любом случае был бы востребован.

Однако летом 1914 г. началась Великая война, и студент Сергей Кудряшов в июле 1914 г. был призван из запаса. Скорее всего, он служил в Москве. В марте 1915 г. был уволен из армии по болезни. В марте 1915 — марте 1916 гг. служил в Управлении по военным заготовкам Министерства земледелия и одновременно учился в Сельскохозяйственном институте.

Весной 1916 г. он был переосвидетельствован медицинской комиссией и признан годным к нестроевой службе. После непродолжительной службы в 276-м запасном пехотном полку с апреля по август 1916 г. направлен в действующую армию на Юго-Западный фронт и в распоряжение начальника сборного пункта инородцев Юго-За-

падного фронта. Офицеры этого учреждения, функционировавшего в прифронтовой полосе, собирали инородцев призывного возраста, с тем, чтобы в дальнейшем сделать из них русских солдат.

На Юго-Западном фронте Сергей Кудряшов прослужил с августа 1916 г. до февраля 1918 г., т.е. до момента объявления демобилизации Русской армии. Был ли он за время службы на фронте произведен в следующий чин, мне неизвестно. В советских документах он всегда указывал чин прапорщика. Эти сведения указаны и в его личном деле, хранящемся в Российском государственном военном архиве.

Ничего не известно о его отношении к добровольческим формированиям, которые с ноября 1917 г. формировались на соседнем Румынском фронте. Тем более, что главком Румынского фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачёв в конце 1917 г. объединил в своих руках командование Румынского и Юго-Западного фронтов и объявил о своем неподчинении большевицкому СНК во главе с Ульяновым (Лениным). Новый – Украинский – фронт формально вошёл в подчинение Украинской директории. Тогда же советские газеты заклеили генерала Щербачёва как «контрреволюционера» и «врага трудового народа».

На фоне этих событий, в условиях объявленной демобилизации Сергей Кудряшов решил вернуться в Москву, где в это время проживали две его старшие сестры. А в это же самое время его старший брат Ипполит Александрович Кудряшов (1886–1965), поручик-артиллерист, одним из первых записался в добровольческий отряд полковника М.Г. Дроздовского на Румынском фронте.

В феврале 1918 г. Сергей Кудряшов был демобилизован. Как долго он ехал? Через какие населённые пункты пролегал его маршрут? Насколько безопасной была эта поездка?

Остались только отрывки семейных преданий. Где-то в конце 1917 г. или уже в начале 1918-го он едва не стал жертвой солдатского самосуда в прифронтовой полосе. Группа солдат потребовала от него, чтобы он снял погоны. За отказ пригрозили расстрелять. Якобы поставили к стенке, стреляли, но промахнулись. Или просто хотели испугать. Кончилось тем, что солдаты отпустили его живым и даже как будто с погонами.

В Москву Сергей Кудряшов приехал в феврале 1918 г., будучи больным тифом. Вероятнее всего, идя с вокзала, потерял сознание. Какие-то незнакомые люди – москвичи подобрали его на улице и доставили к себе в квартиру, рядом с Мясницкими воротами. Там он отлежался. Сколько дней или недель за ним ухаживали, неизвестно. Поправившись, он покинул эту квартиру.

В Москве поселился на Гороховой улице, в доме, где жили его сёстры. С апреля 1918 г. он восстановился в Сельскохозяйственном институте и поступил на работу счетоводом в кооперацию.

В 1918 г. бывший офицер Сергей Кудряшов вступил во владение своим земельным наделом и домом, оставшимся от родового имения Витцинские выселки в Одоевском уезде Тульской губернии. В 1917 г. крестьяне явились к его матери и бабушке и договорились о разделе земли. Более того, крестьяне обрабатывали выделенный им земельный надел.

Осенью 1917 г. Наталия Ипполитовна и её престарелая мать были убиты пленным австрийским солдатом, работавшим в имении. Прихватив то, что казалось ценным, вместе со своей сообщницей – русской прислугой австрияк бежал в неизвестном направлении.

Вплоть до 1922 г. Сергей Кудряшов неоднократно приезжал в деревню Витцинские выселки. Крестьяне с охотой привозили ему в Москву какие-то сельхозпродукты, чаще всего зерно.

В октябре 1918 г. его мобилизовали как бывшего офицера в РККА. В 1918/1919 гг. – служба инструктором Всевобуча в Москве. С мая по октябрь 1919 г. – служащий в штабе внутренней обороны в Туле. Весьма вероятно, что в те месяцы он заезжал и в свою деревню. В 1919 г. его перевели из Тулы в Москву. Перевод состоялся в те дни, когда Вооружённые силы Юга России успешно развивали наступление на Москву. Части Добровольческого корпуса подходили к южным границам Тульской губернии. В это время его родной брат И.А. Кудряшов в чине штабс-капитана командовал броневым автомобилем «Кубанец» Дроздовского автобронедивизиона.

Сентябрь 1919 – апрель 1920 г. служил в Московском телефонно-телеграфном дивизионе. В составе этого дивизиона командировался на Петроградский фронт; в январе – апреле 1920 г. командовал взводом роты формирования 1-го дивизиона. По-видимому, он командировался на Петроградский фронт уже тогда, когда активные боевые действия красных войск против Северо-Западной армии закончились. Потому что в выписке из военного билета указывалась единственная военная кампания, в которой участвовал С.А. Кудряшов – Советско-польская 1920 г. В это время он по долгу службы побывал в старинных русских городах Порхове, Опочке, Гдове.

Весной 1920 г. Сергей Кудряшов был направлен из Москвы в район сосредоточения 15-й армии Западного фронта – советские войска готовились к походу на Варшаву. С апреля по ноябрь 1920 г. – командир 57-й отдельной телеграфной строительной роты. Летом, будучи командиром этой роты, принял участие в стремительном наступлении красной армии на Варшаву, а потом, в не менее стремительном откате от Варшавы. Откат получился столь молниеносным, что рота разбежалась по лесам. А сам командир роты вместе со своим однополчанином в течение долгих дней лесами выбирался из окружения. Вышло из окружения и большинство красноармейцев 57-й роты.

По окончании Советско-польской кампании, Сергей Кудряшов некоторое время командовал своей ротой, пока в ноябре его не перевели в белорусский город Лиду, где он продолжил службу в должности командира для поручений при начальнике Управления связи 15-й армии Западного фронта. По другой справке он служил порученцем при команде связи штаба 15-й армии с несением обязанностей ответственного дежурного по связи.

В конце декабря 1920 г. как бывший студент сельскохозяйственного вуза он был откомандирован из Лиды в Москву в распоряжение наркомата земледелия. На этом его военная карьера закончилась. По крайней мере, по архивным справкам, присланным из Российского государственного архива – РГВА, которые я получил в 1989 и 1990 гг. Справки составлены на основе личного дела Кудряшова С.А.

Однако на протяжении 1920-х гг. его несколько раз призывали из запаса на военные сборы. Последний раз такое имело место в 1932(?) г. под Харьковом(?). По окончании маневров он сфотографировался на память в военной форме. На петлицах у него по четыре «кубара» и эмблема искровой команды. Последняя должность – командир отдельной роты связи. Ибо персональные воинские звания в РККА ввели в середине 1930-х гг. Должность, в таком случае соответствовала бы армейскому званию капитана.

Дальнейшая его судьба по советским меркам сложилась вполне благополучно. Закончив ещё к середине 1920-х гг. сельскохозяйственный институт, он стал специалистом в области животноводства – сфера, весьма далёкая от политики.

В 1924 г. Сергей Кудряшов обвенчался в храме Вознесения Господня на Гороховом поле в Москве с дочерью своих бывших соседей по имениям в Тульской губернии. Произошло это в те самые дни, когда в Москве происходили траурные церемонии, связанные с кончиной и похоронами «вождя мирового пролетариата» В.И. Ульянова (Ленина).

В последующие годы супруги неоднократно испытывали затруднения, заполняя советские анкеты при поступлении на работу. Это было связано как с социальным происхождением, так и с местопребыванием в первые месяцы после октября 1917 г.

В 1920–1930-е гг. в коммунальную квартиру у Красных ворот, в которой поселились супруги Кудряшова, неоднократно заходили крестьяне из деревни Витцинские выселки, будучи проездом в Москве, дабы засвидетельствовать свое почтение их бывшему барину Сергею Александровичу. А он отвечал им тем же – неоднократно соглашался быть крестным отцом на крестинах у своих соседей-крестьян.

Супруги реагировали на эти визиты довольно-таки нервозно.

Во II мировую войну С.А. Кудряшова не призывали из запаса. Он был старше призывного воз-

раста и имел степень кандидата сельскохозяйственных наук. Ещё в первые месяцы войны с семьей уехал в эвакуацию, а в 1942 г. был командирован в Монголию, где стал первым проректором МоГУ – Монгольского государственного университета. Вернувшись в Москву в 1946 г., он преподавал в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, в Пушном институте и Военно-ветеринарной академии. Был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и двумя монгольскими орденами. Профессор, доктор сельскохозяйственных наук. И беспартийный. Несмотря на то, что после войны ему неоднократно говорили о желательности вступления во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков). О своей службе в Русской Императорской армии С.А. Кудряшов помнил, и, по всей видимости, ею дорожил. Он сохранил фотокарточки, на которых был в форме вольноопределяющегося и в форме прапорщика. Причём последняя была подписана. На письменном столе профессора Кудряшова в комнате, где он проживал в коммунальной квартире у Красных ворот, стоял в металлической рамочке фото-портрет его брата И.А. Кудряшова в форме офицера-артиллериста. Ипполит Александрович закончил Гражданскую войну в чине подполковника Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля. После Галлиполи и Болгарии обосновался во Франции, где прожил до конца своих дней. В 1920-х гг. он состоял в Обществе Галлиполийцев. С ним переписывались сёстры профессора С.А. Кудряшова.

С.А. Кудряшов скончался в Москве в мае 1949 г. и был похоронен на Немецком кладбище на Введенских горах.

Его кандидатура рассматривалась на получение Сталинской премии, но не прошла. Именно потому, что он был беспартийным. По этой же причине газета «Вечерняя Москва» отказалась опубликовать его некролог.

Мусатов Владимир Сергеевич (1875–1943)

Родился в Москве. Происходил из мещан Московской губернии. Окончив реальное училище в Москве, в 1894 г. поступил на военную службу на правах вольноопределяющегося во 2-й гренадерский Ростовский полк. Отбыв воинскую повинность, был командирован в Казанское пехотное юнкерское училище в 1896 г. закончив его по 1-му разряду. В 1898 г. произведен в подпоручики и выпущен в 3-й Нарвский пехотный полк, в 1903 г. становится поручиком. В конце осени 1905 г. командирован в 28-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. В начале 1906 г. был награжден медалью в память о Русско-японской войне 1904–1905 гг. В боевых действиях он участия не принял, но, согласно семейным преданиям, сопровождал воинские эшелоны по террито-

рии Манчжурии. Находился на Арал-Сибирской железной дороге (в командировке) в октябре 1906 г. Тогда же за выслугу лет Высочайшим приказом был произведён в штабс-капитаны. В 1907 г. он вышел в отставку. Согласно семейным преданиям, участие в усмирении беспорядков, вызванных смутой в стране, оказалось чересчур тяжёлым испытанием для его нервной системы. Возможно, это было связано с его командировкой на Арал-Сибирскую железную дорогу. Стресс штабс-капитан Мусатов пытался снять традиционным русским способом. Находясь в неадекватном состоянии, он своим поведением в поезде Москва-Смоленск, привлёк внимание к своей персоне одного из пассажиров. Пассажир был генералом. Именно он распорядился на ближайшей станции вызвать доктора и наряд полиции. Дело закончилось помещением в лечебницу и увольнением со службы. Очевидно, за дисциплинарный проступок он был разжалован или понижен в чине. Во всяком случае, на воинской службе пришлось поставить крест.

Вернувшись в Москву к своим родным, бывший офицер Мусатов поступил на службу диспетчером в диспетчерскую рядом с Курским вокзалом. Место работы находилось не только вблизи вокзала, но и недалеко от дома, где он жил, – на Гороховской улице. Такая размеренная жизнь продолжалась до лета 1914 г. Когда летом 1914 г. разразилась Великая европейская война, В.С. Мусатов обратился с прошением на Высочайшее имя разрешить ему вернуться в строй. Вероятно, проступки, совершенные им в 1907 г., были весьма серьёзными, поскольку прошение его было удовлетворено очень даже нескоро. Он был принят на военную службу в чине подпоручика(?) в какую-то ополченческую часть. Участвовал в боях против германских и австрийских войск. А в 1917 г. стал свидетелем разложения русской армии. Что называется, через вторые руки мне приходилось слышать рассказ о том, как в пору разложения, т.е. в 1917 г., когда началась атака германцев, не желая оборонять свои позиции, пехотинцы – однополчане Владимира Сергеевича стали вылезать из своих окопов, направляясь в тыл. Приказы своего командира вернуться в окопы подчинённые игнорировали. В этот момент сын полка – подросток, вскарабкавшись на бруствер, стал показывать немцам нос и выкрикивать на ломаном немецком языке какие-то оскорбительные шуточки в адрес воинов кайзера Вильгельма. Пример сына полка устыдил русских воинов. Почти все вернулись, уже под обстрелом, обратно, и атака противника была отбита.

В газете «Армия и Флот» в августе 1917 г. был опубликован приказ по Государственному ополчению об установлении старшинства состоящему на службе в Особом пехотном полку подпоручику Мусатову Владимиру с 1912 г.

Во всяком случае, на фотокарточке он запечатлен в офицерском пальто, с обер-офицерскими по-

гонами и с белым ополченческим крестом на тулье фуражки.

Когда в начале 1918 г. была объявлена демобилизация, он вернулся с фронта в Москву. Его гражданская специальность была востребована, и он, по всей видимости, вернулся на Курскую железную дорогу.

В конце лета или осенью 1918 г. по мобилизации был призван в красную армию. Согласно легенде, когда он вместе с сотнями других бывших офицеров, проживавших в Москве, явился куда-то на регистрацию, их сразу же взяли под стражу. Происходило это на плацу, не то в манеже Александровского юнкерского училища, не то на плацу в Лефортовских казармах.

Кого-то из офицеров красные под горячую руку расстреляли. Остальные остались на плацу. Задержанных держали в кольце вооруженные красноармейцы. Час проходил за часом. В какой-то момент Владимир Сергеевич решительно двинулся в сторону оцепления. Дорогу ему преградил красноармеец с винтовкой наперевес. Щёлканье затвором и окрик «Стой!» не остановили его. «Стой! Куда? Стрелять буду!» – закричал красноармеец. «Домой! Обедать хочу!» – ответил ему бывший офицер. Ответ настолько обескуражил бойца, что он опустил штык. Пройдя мимо него, бывший офицер перемахнул через забор и, не оборачиваясь, знакомыми улицами пошёл домой обедать. Правда, следующая регистрация закончилась тем, что он всё же был мобилизован в красную армию. На каких фронтах воевал, мне неизвестно, но говорили, что он командовал стрелковым полком. Демобилизовали его в самом начале 1920-х гг.

Семейная легенда подтвердилась благодаря электронной базе данных известного отечественного историка С.В. Волкова.

Бывший штабс-капитан В.С. Мусатов действительно во время известной регистрации бывших офицеров в Москве был арестован и некоторое время содержался в манеже бывшего Александровского военного училища в августе 1918 г. Он был действительно вскоре из-под ареста отпущен и в 1919 г. работал в качестве совслужащего НКПС (Народного комиссариата путей сообщений) Курской железной дороги в Москве. Он вполне мог быть мобилизован в РККА во время очередной мобилизации бывших офицеров в том же 1919 г.

При регистрации был зафиксирован его последний чин в Русской армии на 1917 г. – штабс-капитан.

От себя могу предположить, что его восстановили в чине, в котором он был уволен со службы в 1907 г., по крайней мере, в 1917 г.

В Москве Сергей Владимирович вернулся на железную дорогу и проработал, по всей видимости, диспетчером у Курского вокзала до конца своих дней. Умер в Москве, в 1943 г. Само собой, что бывший офицер В.С. Мусатов был беспартийным.

**Панфилов Прокофий Миронович
(1889 – 1950(?))**

Происходил из крестьян Рязанской губернии Михайловского уезда Изяславльской волости, села Николаевки. Военную повинность отбыл ещё до начала Великой войны 1914 г. и был уволен в запас в чине унтер-офицера, вероятнее всего, в 1910 или 1911 г. Женится на своей односельчанке по фамилии Лычагина. С началом войны был призван на действительную военную службу и направлен на Юго-Западный фронт. За время войны неоднократно ранен, контужен, был в плену, но довольно быстро сбежал. Произошло это, скорее всего, во время знаменитого Горлицкого прорыва австро-венгерскими войсками в 1915 г. Когда колонну русских пленных вели через какую-то реку, унтер-офицер Панфилов перемахнул через перила и впасть направился по течению, подальше от моста. Конвоиры стреляли вслед ему, но промахнулись. Рассказывали, что он много часов сидел в холодной воде и дышал через камышинку. А в это время австрийские солдаты с собакой искали его по берегам, но не нашли. В одиночку он шёл в сторону откатившегося фронта, и всё-таки дошёл до своих, несмотря на то, что заболел тифом. Фронт он перешёл, уже, будучи серьёзно больным, был помещен в лазарет, а за побег из вражеского плена награжден георгиевской медалью. Всего же за годы войны Прокофия Панфилова наградили четырьмя солдатскими георгиевскими крестами и четырьмя георгиевскими медалями. Был произведен за храбрость в первый обер-офицерский чин. И якобы к осени 1917 г. дослужился до чина поручика. Служил он в 12-м Великолуцком пехотном полку. На это стоит обратить внимание, ибо полк был кадровым. По расписанию мирного времени он входил в состав 3-й пехотной дивизии Русской императорской армии. Согласно семейным преданиям, однажды он, будучи командиром пулемётной команды, остановил отступающих нижних чинов-пехотинцев. Уложив их в цепь, отчасти увещеванием – «Забыви Веру, Царя и Отечество!», отчасти матом, отчасти кулаком, он принял на себя командование. Наступавших австрийцев встретили винтовочными залпами и пулемётными очередями. А когда австрийцы замешкались, их контратаковали и отбросили, нанеся им урон.

В другой раз он отличился при атаке какой-то укрепленной высоты. Высота была взята, вместе с трофеями и пленными. В Российском государственном военно-историческом архиве – РГВИА сохранился документ о его подвиге, озаглавленный «Послужной список и описание подвига П.М. Панфилова».

Уже в 1930-е гг., проживая в Москве, в разговорах со своими шуринами, они вспоминали ту войну и приходили к единодушному выводу – самым сильным противником, когда сходились в штывки, были венгерские части, части, сформированные из австрийских немцев, и германцы. Германцев считали самым достойным противником, с кем приходилось сходить в штывки.

Рассказывали, что за солдатские георгиевские кресты Прокофий Миронович получал неплохие деньги. Они так и назывались – «крестовыми». Эти деньги позволяли его жене безбедно жить и гостить у родственников в Москве. Будучи в отпуску в Москве, вместе со своими земляками-рязанцами, фронтовик Панфилов, уже в обер-офицерских чинах, любил покутить в трактире. Когда мероприятие приближалось к своему завершению, хозяин трактира вызывал извозчика, дабы героя-фронтовика доставить домой. А из ближайшей пожарной команды приглашали оркестр, который для дорогого гостя исполнял русский национальный гимн-молитву «Боже, Царя храни!». Проходя мимо пожарных, он брал под козырёк.

Об этих приездах с фронта родственники помнили всю жизнь.

В начале 1918 г., в пору массовой демобилизации Русской армии, он вернулся в родное село Николаевку. В последующие месяцы, когда в тех краях установилась советская власть, ему неоднократно предлагали и сельский сход, и представители местной советской власти занять административные посты по военной линии, поскольку он пользовался большим авторитетом у своих односельчан. Но он наотрез отказывался, ссылаясь на здоровье, подорванное фронтовой службой и многократными ранениями. По непроверенным сведениям, П.М. Панфилову предлагали занять пост военного комиссара уездного города Михайлова. Не согласился он и на это предложение. Не принял участия и в крестьянской войне, которая в 1921 г. охватила значительную территорию соседней Тамбовской губернии.

На рубеже 1920/30 гг. вместе с семьёй он был вынужден переехать в Москву, спасаясь от коллективизации. Первое время в Москве работал извозчиком. А позднее рабочим. Неоднократно с обыском к нему приходили сотрудники НКВД. Во время одного из обысков обнаружили его солдатские награды и конфисковали.

В конце 1930-х гг. за политический анекдот были арестованы оба его сына-школьника. Пройдя через Котласские пересыльные лагеря, они попали на Кольский полуостров. Незадолго перед началом Советско-германской войны были освобождены. Один из них, рядовой красноармеец, убит в первые же дни войны под Мурманском. Второй спустя несколько лет вернулся в Москву.

Умер П.М. Панфилов в Москве и, предположительно был похоронен на Калитниковском кладбище.

В разговорах старших я слышал неоднократно имена ещё двух офицеров, участников Великой войны 1914 г., переживших и Ленина, и Сталина – воспитанника Калужской гимназии Бориса Архангельского, окончившего школу прапорщиков в 1916 г. и призванного из запаса прапорщика-артиллериста, юриста по образованию Михаила Николаевича Вольского. Последний был призван на военную службу из запаса и принял участие в знаменитой Восточно-Прусской операции русских войск в

августе 1914 г. В 1916, или в 1917 г. поручик(?) Вольский был уволен в запас вследствие заболевания тифом.

Оба вышеназванных офицера скончались в Москве.

Все они были беспартийными и хранили свои фотокарточки, на которых были запечатлены в русской военной форме.

По разному складывались судьбы русских офицеров после Гражданской войны на террито-

рии подсоветской России. У героев моего материала по советским меркам жизнь прошла с минимальными издержками. Тем не менее, думается, знай они наперёд, что ждёт их Отечество, которому присягали служить, да и своё собственное будущее, они, вероятно, сделали бы иной выбор. Но, увы, история, как говорят, не знает сослагательного наклонения.

«Посева» и в 1968 году и позже уделял много внимания событиям «Чехословацкой весны» и тем гражданам СССР, которые протестовали против советского вмешательства в дела иностранного государства. Публикуемые ниже воспоминания члена редколлегии Игоря Чубайса мы посвящаем 42-й годовщине тех трагических августовских событий.

Игорь Чубайс

СМОЖЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ... ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОТЕСТА

С чего начиналось

Конец декабря 67-го года принес не совсем обычную новость — в Праге пленум ЦК КПЧ избрал нового персека, место Антонина Новотного занял новый и мало кому известный политик Александр Дубчек. Смена руководителя происходила в соцлагере обычно в двух случаях — или потому, что прежний — «после тяжелой и продолжительной болезни»... или когда партия, разглядев «звериное обличье ревизиониста и предателя...», сама решала навести порядок в собственных рядах. Здесь же случилось что-то не каноническое — Новотный, переставал быть персеком, но оставался президентом. Мне было 20 лет, но я уже давно интересовался политикой, к чему приобщил меня отец-политработник, и я чётко понимал, что происходящее нарушает идеологические правила. В моём многолетнем споре с отцом появлялись новые аргументы.

Дальше события развивались по нарастающей. В марте 68-го Новотного вовсе отправили на пенсию. В руководство страны пришло много новых людей — Олджих Черник, Честмир Цисарж, Йозеф Смрковский, Людвиг Свобода. Но ещё важнее другое — сквозь советский железный занавес стали проникать новые, прежде запретные слова и формулировки — «социализм с человеческим лицом», «отмена цензуры», «права и свободы граждан». Даже московская «Правда», пересказывая речи новых чехословацких руководителей, не могла обойтись без бесконечно заманчивого и желанного слова «демократизация». Прежде нам постоянно ввали, что самые свободные в мире государства — социалистические, а тут напрямую, хотя и сквозь зубы и с явным раздражением, признавалось, что в Чехословакии происходит процесс демократизации.

Как получить информацию

Изменения в Праге и Братиславе постоянно подвергались критике в советских «средствах массовой пропаганды», как их тогда называли, и сквозь это кривое зеркало кое-что удавалось узнать и понять. Конечно, я регулярно слушал западное радио — разные «свободные голоса», именно весной 68-го в СССР возобновилось их глушение, но и сквозь советский вой и рёв что-то удавалось расслышать. Если в Питере, где я тогда учился в университете и жил с родителями и младшим братом, в киосках продавалось два экземпляра газеты «Руде право» или «Млада фронта», один из них оказывался моим. Кроме того, я постоянно знакомился и старался пообщаться с чехами и словаками, которые приезжали в город как туристы или в служебные командировки... Словом, информационная картина была у меня достаточно полной, я был рад за соседнюю страну, которая становилась свободной и открытой и, одновременно, я всё острее понимал в каком безнадежно тупиковом положении находимся все мы, задавленные диктатом номенклатуры...

Почему в Одессе

Через некоторое время после окончания летней сессии и начала каникул, я немного покружил по городу и отправился к школьному другу в Одессу. В этом городе мы, до Питера, жили всей семьёй несколько лет, потому что мой отец-офицер работал здесь в военном вузе, а я, соответственно, учился в школе. Бывший одноклассник — Саша Кастулин — приглашал меня к себе, и мы несколько недель проводили в весёлом отдыхе, купаясь и ныряя в море, встречаясь с другими ребятами, а иногда — и с учителями из нашего бывшего класса. В этот раз всё было, как и прошлым летом, но те-

перь все разговоры касались Пражской весны. Не скрою, что с моей подачи тема эта захватила нас настолько, что после утреннего пляжа, во второй половине дня человек десять — уже не только бывших одноклассников, но и просто соседей, знакомых собирались во дворе Сашиного дома, и мы детально обсуждали новости из Праги. Вопиющий разрыв между тем, что говорила и писала о Чехословакии советская пропаганда, и что говорили об этом сами чехи. Мы рассуждали о том, когда всё это будет продолжено у нас. В отличие от Питера, в Одессе у меня появился дополнительный источник информации — здесь время от времени удавалось ловить на транзисторный приёмник чешское и словацкое радио, к этому времени я научился понимать не только письменные тексты, но и устную речь на этих близких нам славянских языках. Словом, я себя ощущал полностью «в теме» и постоянно рвался в дискуссию со всеми, кто вообще готов был об этом спорить.

Моя прямолинейная и несколько наивная манера выкладывать всё начистоту привела к «скрытому» конфликту, смысл и значение которого я понял не сразу, а спустя некоторое время. Вскоре моим оппонентом оказался Сашин отец, отставной офицер. Понятно, что он не мог быть сторонником Дубчека, и потому, используя все накопленные мною факты и аргументы, я начал переубеждать человека, который был старше меня в два с половиной раза. Кончилось дело тем, что на следующий после дискуссии день Саша, очень деликатно и не вдаваясь в детали, сказал, что другая наша одноклассница — Вера Вишнёва хочет, чтобы я к ней перебрался до конца каникул. Я охотно перебрался к Вере, которая жила в соседнем доме, и мы опять продолжали всё увеличивающейся компанией обсуждать вечерами новости из Праги. Так продолжалось почти ежедневно, пока 21 августа ТАСС не сообщил о «братской помощи» народу, который желал её меньше всего на свете. В тот вечер мы опять собрались во дворе, вопрос был один — как на это реагировать. Я сказал, что устрою демонстрацию протеста, и предложил желающим присоединиться. Часть ребят отмалчивалась, часть сказала, что пойдёт вместе со мной.

Мы договорились подготовиться, лучше разобраться в обстановке и через пару дней снова собраться на старом месте. На следующий день мне кто-то подарил чехословацкий флаг. Но в назначенное время пришла только моя школьная подруга Лиля, совершенно очаровательная боевая девчонка. Она рассказала, что часть ребят заболела, кого-то не пустила мама... Словом, нас осталось двое, правда, Лиля идёт, чтобы посмотреть, что из этого получится, «официально она в протесте не участвует».

Сможешь выйти на площадь...

Трамвай быстро докатил нас с 5-й станции Большого Фонтана в самый центр, где отгороженная кустарником и самым городским рельефом

находилась площадь с памятником Ленину и зданием обкома партии, кажется, это место называлось Куликово поле. Переходя трамвайные пути, я поднял над головой бело-сине-красное полотнище и заорал что было сил: «Вон оккупантов из Чехословакии!». Пройдя мимо людей и машин, я вошёл на полуогороженную площадь, предназначенную для демонстрации народной любви к вождям. Прямо передо мной, метрах в двухстах, было здание обкома, а справа, метрах в трёхстах, стоял каменный вождь-истукан. Размахивая флагом, я быстро дошёл до подножия памятника и повернулся назад.

Лиля оставалась где-то у входа на площадь. Сильное нервное напряжение, которое я испытывал, помню до сих пор. Но всё было тихо. В здании обкома в субботний день, да ещё и во второй его половине, видимо, почти никого не было. На площади, она служила местом официальных мероприятий и демонстраций, но вовсе не пространством для гуляний и развлечений горожан, не оказалось ни души. И только когда я прошёл большую часть пути к выходу с плаца, на противоположной его стороне заметил милиционера, с которым мы, как видно, двигались в противоположных направлениях, а может быть, он просто только что вышел на дежурство... Словом, нас разделяло метров триста, он направлялся в мою сторону, а я уже уходил к трамвайной остановке. Тут откуда-то появилась Лиля, и мы быстро пошли к находящемуся рядом железнодорожному вокзалу. Мы оба испытали шок и вместе с тем с облегчением понимали — сказанное нами сделано и, кажется, всё обошлось... Говорить ни о чём не хотелось. По домам мы разъехались на том же трамвае, а спустя пару дней поездом я уехал в Ленинград. Никто из друзей меня не выдал, а в Питере — ни дома, ни в университете я никому ничего не рассказывал. Позднее я узнал про семерых москвичей, вышедших на Красную площадь. Шанса уцелеть у них не было даже одного из миллиона, и они провели в заключении не один год...

Что было потом

Вернувшись домой, я долго не мог успокоиться. В университете, с друзьями и незнакомыми людьми постоянно вступал в дискуссии о пражской демократизации, сочинил несколько песен против оккупации, писал антисоветские лозунги на банкнотах и вывешиваемых в городе газетах. 16 января в Праге, на Вацлавской площади сжёг себя мой далёкий коллега, студент философского факультета Карлова Университета Ян Палах. Тогда я купил в магазине огромную круглую бордовую пуговицу и сделал у гравёра надпись золотом. Самодельный значок с соответствующим именем я иногда одевал на лацкан своего пиджака. Между тем, два моих поступка, с сегодняшних позиций они вообще кажутся не стоящими упоминания, вызвали жёсткую реакцию властей.

К новому 69-му году редколлегия стенгазеты моего курса решила подготовить боевой, ударный номер. Кто-то взялся написать заметку про Битлов, кто-то про сексуальную революцию, ну а меня, конечно же, попросили рассказать о Чехословакии. Сомнения были долгими — писать ложь я не могу, писать правду — нельзя, не выполнить поручение — тоже нехорошо... Наконец, решил — напишу, что думаю, а они всё равно не опубликуют. Но «они» не испугались и опубликовали, сделав приписку — «редколлегия не согласна с мнением студента Чубайса». Стенгазету повесили, и она провисела целую перемену, кажется, весь философский факультет сбегался её читать, а когда прозвенел звонок и все разошлись на занятия, газета куда-то исчезла... О том, куда и почему она исчезла, я узнал только в апреле. В нашу учебную группу пришло всё факультетское начальство принимать ленинский зачёт (одна из форм открытого идеологического контроля за студентами в СССР). Вся группа зачёт получила, но студенту Чубайсу парторг категорически отказался его выставлять. А ещё через день, когда я встретился с секретарём нос к носу в коридоре факультета и спросил про зачёт, он, наконец, ответил прямо: «Вы что же, хотите писать такие статьи и учиться на философском факультете... в ближайшие дни мы вас отчисляем».

Такой поворот событий меня взбудоражил. Я тут же поехал домой и рассказал обо всём отцу. И здесь я должен сказать слова самой искренней сыновней благодарности человеку, которого, увы, уже давно с нами нет. Борис Матвеевич в это время продолжал служить в армии, он продолжал оставаться политработником, точнее, был начальником кафедры философии военного вуза. Но ещё важнее то, что он был настоящим, убеждённым коммунистом, а взгляды сына его очень сильно коробили. Однако в критической ситуации семейные ценности оказались для него важнее идеологических. Отец написал от моего имени письмо в деканат, где говорилось, что в канун столетия Ленина я ещё раз продумал и переоценил происходящее... И дальше — как положено. Возможно, кто-то меня осудит, но и для меня воля отца, семьи была выше собственных убеждений... Словом, это письмо плюс телефонное право — всё это сработало, и мне дали возможность доучиться на факультете.

Между тем, совсем не желая этого, я нанёс ещё один удар по отцу. Тут уж ситуация была совсем банальной. В военный вуз, где он работал и где у меня было много друзей, приезжал лектор из Москвы — генерал Главполитуправления (Главпур — отдел ЦК по армии). И приезжал он, чтобы рассказать... да, вы не ошиблись — о событиях в Чехословакии. Зная мой особый интерес к теме, друзья предложили послушать доклад московского начальника. Просить дважды меня было не нужно, проникнуть на охраняемый объект — тоже не проблема. И вот я на лекции, где чинов-

ник в лампах целый час несёт всякую околесицу про ревизионизм, происки империализма и контрреволюцию. Я сидел, не проронив ни слова, и только после выступления, когда ушли уже и те, кто задавал вопросы, а в стороне маячил лишь один начальник секретной библиотеки, подошёл к московскому чиновнику и, проявляя неадекватную наивность, стал рассказывать, что о затронутых докладчиком вопросах пишут и говорят сами чехи. Генерал меня не перебивал, но и ничего не отвечал. Похоже, он испытывал почти такой же нервный шок, какой испытал я на площади перед обкомом... Вскоре выяснилось, что тот самый начальник секретной библиотеки написал донос в Главпур. Если сын не отвечает за отца, то отцу за сына пришлось... Вскоре специальная комиссия штаба Ленокруга начала проверять работу моего отца. Однако его идейная позиция не могла вызывать никаких сомнений, думаю, он был гораздо более убеждённым человеком чем те, кто его проверял. Семья пережила ещё один стресс, но всё закончилось ничем, то есть крамолу в лекциях начальника кафедры выявить не удалось. Правда, как неохотно признавал отец, военный особист ещё долго посещал его и расспрашивал обо мне и моих друзьях-знакомых. Тогда же я узнал о ещё одной несурзадности в организации работы КГБ, думаю, она меня очень выручила, но раскрывать в чём она состоит, можно будет лишь тогда, когда Россия создаст настоящую, принципиально новую службу национальной безопасности, не являющуюся преемницей карательных структур тоталитарного государства.

После всего случившегося все ходы и лазейки оказались для меня закрытыми, лживый и ненормальный мир, который меня окружал, нельзя было подвергать критике. Со временем я понял, что в таком положении находится каждый, кто хоть немного размышляет о нашей стране. Дождаться Перестройки было очень нелегко, но я выжил, не сошёл с ума, не попал в места не столь отдалённые. Я научился жить по принципам, принятым в философии экзистенциализма. Смысл их прост и понятен — одни люди, прежде чем что-то делать, задают вопрос — а готово ли общество, а созрели ли условия, а имеется ли достаточно предпосылок... Экзистенциализм учит другому — всегда оставайся самим собой, не ври себе, сохрани свою самость-экзистенцию, действуй, исходя из себя и своих собственных принципов.

Как-то пару лет назад про чехословацкую историю меня расспрашивал мой друг — польский дипломат Хенрик Л. Выслушав мой рассказ, он живо реагировал — ты знаешь, если бы мы все тогда, в 68-м в Польше напряглись, потребовали, забастовали, Польша, может быть, и не ввела бы войска в Чехословакию. Я тогда так и не сказал Хенрику, что у меня и в мыслях не было остановить советскую оккупацию, в конечном счёте, наверное, не вполне это сознавая, я просто хотел сохра-

нить самого себя. Ведь не в силе Бог, а в Правде, а одно слово правды весь мир перетянет. Как написано на чешском гербе — правда вытези, правда победит! В 95-м меня и несколько других пригла-

сил Президент Вацлав Гавел. Там я получил единственную в своей жизни памятную медаль от мэра Праги.

24 июля 2010

КНИГИ И ЛЮДИ

Сергей Базанов

Страницы истории российской военной эмиграции после Второй мировой войны

В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт «Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны»

Уже более двух десятилетий не иссякает интерес исследователей и читателей к истории Русского Зарубежья. Наиболее ярко он прослеживается при изучении её, пожалуй, самой политически активной части — военной эмиграции. Напомним: к этой категории относятся военнослужащие бывших белых армий, военные чиновники, бывшие российские военнопленные Первой мировой войны, солдаты и офицеры русского экспедиционного корпуса во Франции и на Балканах, военная молодежь — юнкера и кадеты военных училищ, эвакуированные вместе с белыми армиями за рубеж.

В отличие от других групп российской эмиграции первой волны, именно военные эмигранты были объединены в ряд военных и военно-политических организаций, главной из которых, как известно, стал созданный в 1924 г. бывшим главнокомандующим белой Русской армии генерал-лейтенантом П. Н. Врангелем Русский общевоинский союз (РОВС), а также такие довольно влиятельные объединения, как Русский национальный союз участников войны (РНСУВ), Корпус императорских армии и флота (КИАФ).

Однако, если по истории воинских организаций Русского Зарубежья 1920–1930-х годов и периода Второй мировой войны имеется относительно многочисленная как эмигрантская, так и отечественная литература, то по послевоенному времени таких работ крайне мало.

Вот такой, практически не исследованной, теме (главным препятствием её изучению служило отсутствие архивных документов) посвятил В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт свой труд «Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны» (Москва, ЗАО «Гриф и К», тираж 1000 экз.).

«В процессе работы над книгой, — пишет автор, — много внимания уделялось периодике Русского Зарубежья, его воинских организаций. Это журналы “Часовой”, “Переключка”, “Наша переключка”, “Наши вести”, “Бюллетень” Объединения

кадет зарубежных российских кадетских корпусов, “Кадетская переключка”, “Кадетское письмо”». Также исследователем «были просмотрены те немногие свидетельства о послевоенной жизни Русского Зарубежья, что встречаются в воспоминаниях генерала А. А. Фон Лампе и ветерана НТС Б. В. Прянишникова», а также автор «постарался привлечь свидетельства русских людей, которые были участниками и свидетелями описываемых событий» (с. 10). Именно на этой, главным образом, источниковой базе и была написана рецензируемая работа.

Монография В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта является первой работой по истории послевоенного периода деятельности воинских организаций Русского Зарубежья. «Пережив ещё одно переселение после окончания Второй мировой войны, — пишет автор, — ибо десятки тысяч русских изгнанников были вынуждены покинуть места своего довоенного проживания в Европе и на Дальнем Востоке, чины русских воинских организаций постарались восстановить свои объединения на новых местах жительства. Причем в течение первых нескольких послевоенных лет, возможно, по инерции, а может, из-за периодически обострявшейся холодной войны, они продолжали себя считать кадрированной армией, готовой при благоприятном развитии событий вновь выступить в «Кубанский поход»... К 1960-м гг. надежды эти угасли совсем, и РОВС превратился в военно-мемориальную ветеранскую организацию. Осталась лишь надежда на то, что вопреки всему историческая правда пробьет себе дорогу, а постсоветская Россия вспомнит их имена» (с. 9).

Монография состоит из предисловия и девяти глав. Хронологически она охватывает период с мая 1945 г. — окончания Второй мировой войны — до середины 10-х годов XXI в. Перед читателем проходит сложная и противоречивая история воссозданных практически с нуля воинских организаций РОВС и КИАФ, их просветительская и военно-мемориальная деятельность, направленная на сохранение для будущих поколений культур-

ных и военно-исторических традиций Белого движения.

С большим интересом читается первая глава, посвящённая вопросам репатриации советских граждан после окончания Второй мировой войны в СССР. Напомним, что в соответствии с подписанным в феврале 1945 г. в Ялте соглашением между И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф.-Д. Рузвельтом Англия и США обязались репатриировать в Советский Союз тех лиц, которые к началу Второй мировой войны являлись советскими гражданами. Таким образом, наши союзники по Антигитлеровской коалиции отказали в праве на политическое убежище сотням тысяч граждан СССР.

В эту категорию попало и значительное количество российских эмигрантов первой волны, несмотря на то, что большинство из них имело к тому времени иностранное подданство. В результате многие тысячи российских белоэмигрантов были насильственно выданы на расправу советской стороне. Причём, как подчёркивает автор, в основном это были те, кто в годы войны не сотрудничал с немцами и наивно рассчитывал на милосердие советской власти. Как известно, в момент капитуляции Германии за рубежом находились около 2 млн. советских граждан, подпадавших под Ялтинское соглашение.

В главе показано, как с риском для собственной свободы и даже жизни российские эмигранты, включая чинов РОВС и КИАФ, спасли от расправы советских властей многих лиц, подлежащих выдаче. Особенно много жизней спасли, как отмечает автор, такие видные представители белой эмиграции, как генералы А.А. фон Лампе, А.В. Туркул, В.В. Крейтор, полковники С.Д. Гегелашвили, А.Н. Лавров.

Именно благодаря таким людям «Русское Зарубежье, пускай и с тяжёлыми потерями, всё же выдержало обрушившиеся на него удары 1940-х гг.» (с. 46).

В следующей главе повествуется о трудном пути восстановления представителями российской военной эмиграции своих военно-политических организаций — РОВС и КИАФ — в трудные для них послевоенные годы, начиная с 1947 г. (когда окончательно прекратилась насильственная выдача советской стороне оккупационными властями Англии и США граждан СССР, а также аресты белоэмигрантов в странах Восточной Европы и на Дальнем Востоке).

Весьма интересна третья глава, посвящённая военно-мемориальной деятельности воинских организаций Русского Зарубежья со второй половины 1940-х годов и в основном до середины 1980-х. Этот рубеж выделен автором не случайно. Именно к этому времени «военно-мемориальная деятельность Русского Зарубежья вступила в полосу спада» (с. 96). Но, несмотря на все невзгоды, «в любом случае работа воинских организаций Русского Зарубежья на военно-мемориальном поприще, — заключает автор, — не была напрасной» (с. 102).

С не меньшим интересом читаются и все последующие главы, также посвящённые актуальным проблемам послевоенной истории Русского Зарубежья. В целом же рецензируемая монография вносит весьма заметный вклад в освещение послевоенной истории воинских организаций российской военной эмиграции и послужит, полагаю, побуждающим примером к написанию аналогичных исследований по истории Русского Зарубежья, и по сей день не теряющей актуальности.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Константин Обозный

Молодёжь России — прошлое и настоящее

В краеведческом отделе Псковской областной библиотеки 10 июня прошла презентация книги «Молодёжь Русского зарубежья. Воспоминания 1941—1951», которая вышла в конце прошлого года в Москве в издательстве «Посев». Автор этого труда Ростислав Владимирович Полчанинов — человек яркой и трудной судьбы, жизнь свою посвятивший служению России. Презентацию проводил старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Государственного университета кандидат исторических наук Кирилл Михайлович Александров, специально приехавший в Псков для участия в этом знаковом мероприятии. Александров сегодня один из немногих глубоких исследователей истории Русского зарубежья, Белого движения, антисоветского сопротивления, в том числе Рус-

ского освободительного движения. Сам Ростислав Владимирович Полчанинов в силу возраста (в январе исполнился 91 год) и отдалённости проживания (США, Нью-Йорк) не смог приехать и рассказать о своей книге. Однако живое свидетельство К.М. Александрова и присутствие в зале тех, кто лично или по переписке знаком с Полчаниновым, придали этому вечеру атмосферу радостного и семейному тихого общения. Приходится сожалеть лишь о том, что зал был неполон, для многих псковичей это событие прошло стороной. Чтобы хоть в незначительной мере восполнить упущенное, позволю себе написать несколько строк о книге и её авторе.

В самом начале предисловия Р.В. Полчанинов пишет: «Эта книга — не история, а только воспоми-

нения о том, чему я был свидетелем или в чём участвовал в 1941—1951 гг.». Действительно, вся книга состоит из 63-х небольших очерков, каждый из которых посвящён отдельной теме. В конце каждой главки Ростислав Владимирович благодарит своих друзей, коллег, соратников и единомышленников, так или иначе участвовавших в создании книги. Некоторые из очерков были ранее опубликованы в различных периодических изданиях, в том числе в Пскове — «Псков 1943 год», «Псковское содружество молодёжи при православной миссии», «Как псковичи помогали своим пленным», «Гвардейский маршевый батальон РОА в Пскове».

Хронологически очерки воспоминаний охватывают всего лишь десятилетие. По современным меркам стремительно бегущей жизни и истории человеческой цивилизации, 10 лет — это немного. Однако, прочитав книгу, понимаешь, что это десятилетие было очень ёмким и значительным не только для молодёжи Русского зарубежья. Это время стало переломным для многих человеческих судеб, для судеб многих народов, стран и культур. Объективно это понятно, ведь в первую часть этого десятилетия бушевала Вторая мировая война, а в годы второй половины десятилетия, отмеченного в книге Полчанинова, Европа постепенно приходила в себя. Это время было наполнено страданиями, смертью и крушением идеалов, которые в 1930-е годы казались неизменными и надёжными. Именно это десятилетие связано с таким узловым для нашей истории явлением, как вторая волна эмиграции. На фоне этих эпохальных событий, а вернее, в их гуще, в их эпицентре находился автор представленной в Пскове книги.

Жизнь Ростислава Владимировича очень богатая, разносторонняя, и то десятилетие, которое он подробно описывает, не является исключением, а, скорее, наоборот есть средоточие и сердцевина всего жизненного пути. Условно и этот период можно разделить на части, которые прослеживаются в книге: первая часть — время жизни в Королевстве СХС (сербов, хорватов, словенцев) накануне и в начале Второй мировой войны, вторая — путь в Россию в 1941—1943 гг. и служение ей в оккупированном немцами Пскове, третья часть — исход на Запад и жизнь в лагерях перемещённых лиц в Германии (1944—1951 гг.).

Помимо важного хронологического контекста книги следует отметить и то, что сам Ростислав Владимирович развивался, трудился и достигал успехов в трёх направлениях — Организация Российских Юных Разведчиков, Народно-Трудовой Союз, Псковская Православная Миссия. Во всех этих направлениях главной целью оставалась всегда одна — служение русскому народу, а основной движущей силой была молодёжь Русского зарубежья, которая в эти годы получила возможность встретиться, познакомиться и подружиться с молодёжью советской России. Это стало возможно в годы Второй мировой войны.

К.М. Александров

Несколько слов нужно сказать о жизни Р.В. Полчанинова до 1941 года. Он родился в семье белого офицера, полковника Владимира Павловича Полчанинова в городе Новочеркасске 27 января 1919 года. Затем последовала эвакуация в Королевство СХС. С 1931 года активное участие в скаутском движении, а в 1936 году Ростислав Владимирович вступает в НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения). В своих воспоминаниях Полчанинов не только рассказывает о Союзе, его задачах, положении в разных странах Европы, но и упоминает множество имён, представляет образы тех, кто активно участвовал в организации НТСНП, проводил союзную работу в предвоенные и военные годы. С приходом в Югославию оккупационного нацистского режима скауты-разведчики вынуждены были вести свою работу нелегально. В подпольной скаутской работе активно участвовал и Ростислав Владимирович, будучи уже тогда опытным руководителем, или скаут-мастером.

После начала войны Германии против СССР Полчанинов по линии НТС переезжает в Берлин, а в 1942 году по поддельным документам отправляется в Варшаву для того, чтобы попасть на оккупированную территорию СССР. Из Польши Ростислав Владимирович перебирается в Ригу, где получает назначение на работу в Псковскую Православную Миссию в качестве учителя церковной школы. В марте 1943 года произошло то, к чему так стремились многие молодые люди

из среды русской эмиграции, Р. В. Полчанинов приехал на родину. То, о чём мечталось, то к чему тщательно готовились, то, ради чего были годы скаутской работы и деятельности в рядах НТСНП.

На мой взгляд (который, конечно, не является беспристрастным), эта часть воспоминаний самая яркая и насыщенная, ведь она посвящена нашему городу и церковному возрождению на оккупированной территории Северо-запада России. С городом Псковом у Р. В. Полчанинова установилась живая, можно сказать, родственная связь, так как в 1943 году в храме св. прп. Варлаама Хутынского состоялось венчание Ростислава Владимировича и псковитянки Валентины Петровны, которое совершал член Псковской Миссии священник Алексей Ионов, Недаром Ростислав Владимирович в своих письмах и статьях неоднократно писал, что считает себя псковичом.

Именно в этих главах, посвящённых Пскову, мы видим особенно отчётливо, что для автора вопросы веры не только близки, но и то, что наш герой является церковным человеком, что позволило ему органично влиться в труды священников и мирян — сотрудников Псковской Миссии — по восстановлению духовных основ жизни русских людей. Кроме работы учителем в церковной школе при храме св. вмч. Дмитрия Мироточивого, Ростислав Владимирович подпольно проводил подготовку вожаков для скаутско-разведческой работы среди псковских подростков, чтобы в ближайшем будущем они могли самостоятельно проводить скаутскую работу с младшим звеном.

В своём выступлении К. М. Александров отметил, что руководство нацистской Германии, ещё накануне начала войны с СССР предприняло все возможные меры, чтобы представители русской эмиграции не могли попасть на оккупированные территории России. Это опасение было вполне оправдано, ведь встреча русской эмиграции, русской молодёжи с русским народом на постсоветских территориях могла принести непредсказуемые последствия и привести элемент, затрудняющий осуществление планов вождя Третьего рейха. Несмотря на это, целый ряд самоотверженной молодёжи из рядов НТС (Б. Г. Врангель, Е. Е. Поздеев и др.) полулегально, трудными путями проникали в прифронтовые области России — Смоленск, Псков, Остров, Гдов, Гатчина. Их основной задачей было создание ячеек Союза среди местного населения, распространение идей НТС, среди которых основной являлась борьба за Россию, свободную от нацизма и от коммунизма. Это была так называемая идея Третьей Силы.

Также в «псковской» части воспоминаний Полчанинов рассказывает о жизни оккупированного города и его жителей, об отношениях с оккупационными властями, о положении советских военнопленных, о деятельности гвардейского батальона РОА, который размещался под Стремуткой.

Самыми подробными и яркими страницами стали воспоминания автора о работе в рядах Псковской Православной Миссии. Главная задача, которая стояла перед членами Миссии, — церковное возрождение, которое, однако, не рассматривалось только лишь как открытие храмов и совершение богослужений. Без христианского просвещения, евангелизации, восстановления церковной жизни обречено на провал. Миссионерская направленность служения в отношении взрослых, молодёжи и детей стала краеугольным камнем, на котором возрождалась Церковь в годы немецкой оккупации. В этом огромная заслуга принадлежит руководству Миссии, её рядовым членам, в том числе не имеющим духовного сана. Именно они трудились в качестве учителей церковных школ, воспитателей церковных детских садов, руководителей кружков детей и молодёжи, курсов вожаков для разведческой скаутской работы. Ростислав Владимирович называет имена своих помощников и друзей, в сотрудничестве с которыми в оккупированном Пскове действительно родилось содружество молодёжи, основными принципами жизни которого стали христианские идеалы. Вот эти имена — священник Георгий Бенигсен (настоятель храма св. вмч. Дмитрия Мироточивого и организатор церковной школы), священник Константины Шаховской (настоятель храма св. прп. Варлаама Хутынского и организатор церковной школы), учителя Василий Васильевич Миротворский, Раиса Ионовна Матвеева, Константин Иосифович Кравченко, Надежда Гавриловна Одинокова, Зинаида Фёдоровна Соловская. Вместе с тем, Полчанинов пишет с теплотой и о своих воспитанниках, учениках церковной школы, детях из церковного приюта, подростках и молодёжи из христианского кружка. Уже после эвакуации из Пскова с некоторыми из них Ростислав Владимирович поддерживал переписку, снабжал их разведческой литературой, рукописным журналом для русской молодёжи, который сам выпускал, поддерживая и ободряя своих младших друзей. Некоторые ученики Полчанинова после окончания военных действий вернулись в советский Псков и сохранили светлую благодарную память о церковных школах и своих мудрых, заботливых наставниках. Среди них, например, Петя Ильин, в послевоенный период он стал священником в Псковской епархии, Мира Фёдоровна Яковлева — талантливый псковский журналист, писатель, к сожалению, в этом году ушедшая из жизни. Надо отметить, что Мира Фёдоровна оставила для нас свои замечательные очерки воспоминаний о жизни в оккупированном Пскове, о церковной жизни, о церковных школах и своих учителях, в том числе Р. В. Полчанинове. Последнее десятилетие Мира Фёдоровна активно переписывалась с Ростиславом Владимировичем, делилась своими воспоминаниями, впечатлениями далёких лет, и этот ценный пласт свидетельств также был включён в книгу «Молодёжь Русского зарубежья».

Вторая половина книги посвящена эвакуации из Пскова в Ригу, исходу на Запад и жизни в лагерях ДР (перемещённых лиц). Здесь очень много важных штрихов и подробностей, которые помогают живо почувствовать и пережить вместе с рассказчиком все перипетии трагической судьбы русских беженцев. Важно и то, что Р.В. Полчанинов в любых ситуациях оставался верен однажды выбранной цели — служению России, а значит, русским людям, попавшим в беду, нуждающимся в помощи и поддержке. Так, в Риге Полчанинов становится сотрудником Русского комитета, который занимался помощью русским беженцам, их материальному, бытовому устройству на чужбине, защитой их жизненных интересов. Но и здесь в непростых условиях Ростислав Владимирович продолжал вести скаутскую работу с детьми из среды граждан, эвакуированных из России.

В июле 1944 года семья Полчаниновых покинула территорию Латвии и последние месяцы войны, а затем более пяти послевоенных лет провела в Германии, в беженских лагерях. Больше всего написано о лагере ДР городе Менхегоф, обитатели которого, опасаясь репрессий, смогли переместиться сюда, в американскую зону оккупации, из советской зоны. Однако и здесь опасность репатриации (насильственной выдачи) в Советский Союз ещё долго оставалась весьма реальной, хотя среди беженцев были не только советские граждане, но и представители русской эмиграции, не подлежавшие насильственной отправке в СССР (на практике этот принцип нарушался союзниками). Несмотря на эту постоянную угрозу, жизнь в Менхегофе не была парализована, но постепенно налаживалась — действовал православный храм, оборудованный в одном из больших барачков, широко проводилась культурно-просветительская работа, в том числе была устроена начальная школа и гимназия, открыт клуб, в котором проходили концерты, постановки, танцы, демонстрировались кинофильмы, читались доклады. Здесь выходили свои периодические издания, в том числе первые номера журнала «Посев». Не прекращалась и скаутская-разведческая работа, которая проводилась здесь во многом усилиями Р.В. Полчанинова. При этом проводились летние лагеря юных разведчиков (совместно с ребятами и их наставниками из других ДР лагерей). В первые послевоенные месяцы немецкая почта работала очень плохо, поэтому в лагере Менхегоф некоторое время действовала разведческая почта. Скауты разносили письма и пасхальные, праздничные открытки по адресатам, поддерживая связь с другими лагерями ДР. Несколько раз в лагере издавались собственные почтовые марки, ставшие сегодня не только важным историческим документом, но и ценным филателистическим раритетом.

Ростислав Владимирович довольно подробно описывает и то, что происходило вокруг их «родного» Менхегофа. Например, он пишет о послевоенном возрождении в Германии РСХД (Русского Студенческого Христианского Движения) и ХСМЛ (Христианского Союза Молодых Людей), а также о людях, сделавших большой вклад в работу этих организаций, среди которых были и лично знакомые и близкие Ростиславу Владимировичу — протоиерей Георгий Бенигсен, протоиерей Александр Киселёв.

В последней главе, которую автор назвал «Когда мы вернёмся в Россию», даётся краткий очерк жизненного пути семьи Полчаниновых после 9 октября 1951 года, когда она, преодолев множество трудностей, прибыла в США. Заканчивается книга рассказом о том, как с конца 1980-х гг. в СССР появляется интерес к скаутизму (поначалу в Прибалтике), руководство ОРЮР живо откликнулось и начало делиться опытом — была оказана помощь печатными материалами, при участии потомков «белоэмигрантов» проводились летние лагеря, съезды и слёты разведчиков. Активное участие в этом процессе сближения и встречи разведчиков из Русского зарубежья и российской молодёжи был Ростислав Владимирович. В начале 1990-х гг. Полчанинов второй раз приезжает в Россию, в том числе посещает свой родной город — Псков. Сбылась мечта молодёжи Русского зарубежья послужить своей родине, своему народу.

Может показаться, что скаутизм вещь несерьёзная и подходящая лишь для беззаботного детства. Однако книга Полчанинова опровергает такую позицию — благодаря разведческой работе укреплялся дух детей и молодёжи, происходило приобщение к русской культуре и традиции, литературе и истории, а самое главное — серьёзное приобщение к церковной жизни. Это было необходимо детям и молодёжи первой, а затем и второй волны эмиграции для того, чтобы не раствориться в чужой среде, но сохранить сокровище, завещанное от предков. И не только сохранить, но затем и передать, поделиться с соотечественниками, выросшими в советской России и лишёнными этого жизненно важного наследия. Сам по себе факт того, что русское скаутское движение не могло легально действовать ни в СССР, ни на территориях под нацистской властью, говорит о том, что это серьёзная сила, которой так боялись тоталитарные режимы.

Сегодня для нас, живущих в России и во многом утративших и растерявших, променявших сокровище традиционной культуры и глубокой церковности, эта книга может стать толчком для того, чтобы всерьёз задуматься над бедственным положением, в котором находимся, но не только задуматься, но приняться деятельно трудиться на этом поприще «возвращения в себя».